

ПЁТР СТАНЕВ

ГОРЬКАЯ
» СВОБОДА «
ГАГАУЗИИ

Москва
2024

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44
С 76

ЭСТАФЕТА

Станев П.В.

С 76 Горькая свобода Гагаузии. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2024. – 112 с.

ISBN 978-5-00246-

Уважаемый читатель!

Книга, которая у Вас в руках, – это захватывающее повествование в двух частях. В основе – реальные политические события, которые происходили в Гагаузии в 1990 году и окончились без особого трагизма (и, что особенно важно, бескровно, что говорит о природной мудрости гагаузов), и история, которая продолжилась спустя 30 лет, уже с проявлением элементов массового героизма и самоотверженности гагаузского народа. Тогда, к счастью, удалось преодолеть политическое противостояние.

Автор очень точно передаёт беспокойную атмосферу, настроения в мятежном городе, особенности речи людей того времени. Великолепно показано единство простого народа, основанное на чувствах простых людей друг к другу и на неприязни зла.

Петру Станеву мастерски удаётся передать напряжение между людьми. Хроника событий проходит перед нашими глазами, и мы вместе с автором явно понимаем, что единственно правильным разрешением конфликта будет поиск компромисса, чтобы избежать серьёзного кровопролития.

12+

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00246-017-5

© Станев П.В., 2024
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2024

Книга Петра Станева – это захватывающее повествование, основанное на реальных событиях. События в Гагаузии в 1990 году – не самая известная история в бурном и богатом на события позднем СССР, но от этого не менее драматичная. Националистическое руководство Молдавии, ещё входящей в СССР, направило головорезов для того, чтобы подавить антинационалистические волнения в Гагаузии, молдавской автономии.

Герои Станева оказываются в самом эпицентре волнующей обстановки тех дней. Автор очень точно передаёт беспокойную атмосферу, настроения в мятежном городе, логику тех лет, особенности речи людей из 1990 года. Великолепно показано единство болгар, традиционно проживающих в Молдавии, и гагаузов, единство, основанное на чувствах простых людей друг к другу и на неприязни зла: «– Да мы... на совете села решили выставить свой пост, чтобы не пропустить мимо себя ваших недругов, – ответил несмело дрожавшим голосом пожилой, но ещё крепкий мужичок. Его сморщенное от жаркого летнего солнца и тяжёлой крестьянской изнуряющей работы лицо выражало усталость от неопределённости и напряжения непривычной ситуации, в которой он оказался».

Станев блестяще выводит детали на первый план. Одно удовольствие читать, как он противопоставляет сухие советские новости интонациям Татьяны Митковой, только лишь одними ими выдающейся поддержке мятежному народу. Современному читателю важно прояснить, что тогда, при СССР, любое выступление народов за свои права воспринималось как сепаратизм и антисоветчина и могло бы быть подавлено общей Советской армией. Такие варианты рассматривались и в Цхинвале (Южная Осетия), и в Гагаузии (автономия в Молдавии).

Автор знает и помнит всё о том времени, потому в тексте полно документальных подробностей. Воздух исторической достоверности мы вдыхаем с первой до последней страницы. Особенно пронзительно передано ощущение того, что Москва никак не защищает восставший народ на официальном уровне. «Но и вопросы задавали нам острые, тяжёлые. – Как Москва? – Почему молчит? – Нас лишают наших прав, не разрешают говорить на нашем языке, открыто называют пришлыми. – Чем помешал им наш язык? – Они хотят в Румынию? Пусть идут, но нас не трогают. Наши деды ещё помнят, как их спины секли румынские кнуты. – Почему к нам не едут корреспонденты?»

Автору мастерски удаётся передать напряжение между людьми. Характеры главных героев разворачиваются перед нами постепенно, в процессе столкновения их с экстремальными событиями. Интересно, что происходит это в основном через действие, через диалоги. Описаний, психологических портретов почти нет, но они и не нужны, всё зримо, как будто сам оказываешься на месте тех событий.

Несмотря на мощную политологическую составляющую этого текста, люди для автора, несомненно,

важней. Его герой (видимо, альтер эго Станева) приезжает в Гагаузию из Москвы, услышав зов своего народа и своих друзей, попавших в сложное положение. Писателя интересуют простые люди. Очень показательна сцена с мамой героя: «Вот и в этот раз я с трудом выдержал её суровый взгляд. – И что? Куда тебя несёт? Без тебя не разберутся? Припёрся за тысячу вёрст порядок наводить. Детей малых бросил, жену оставил. Обормот!» Местность, где происходят события, преимущественно сельская, идиллическая, здесь почти у каждого своё хозяйство, свой пасторальный уголок. И поэтому вдвойне ярче выглядит контраст с тревожными ветрами, дующими из Кишинёва, с опасностью большой крови. В этой книге нет ничего в лоб, психологически всё выверено, даже реакция простых людей на события, которая не мгновенна, пока нечто страшное не происходит на твоём дворе.

Хроника конфликта проходит перед нашими глазами. Мы вместе с автором понимаем, что единственное его разрешение будет происходить через поиск компромисса, через избежание серьёзного кровопролития. Сейчас, читая многие строки, испытываешь горечь, зная, как потом развивалась история нашей общей Родины – СССР. «Но требовалось ещё много усилий по возвращению хоть какого-то доверия между сторонами. И ещё я понимал: реакционные силы, поддерживаемые закордонными режиссёрами, так просто от своих задуманных целей не отступят. Так хорошо задуманная и щедро оплаченная операция по выводу Молдавии из попавшей в тяжёлый политический кризис социалистического лагеря была сорвана сначала Тирасполем с его развитой промышленностью, а потом – до этого почти никому

не известным восставшим гагаузским народом, вдруг громко практически на весь мир заявившим о себе». Увы, всё же оторвали, да и лагерь этот испарился. Но не это главное в книге. Главное – это то восхищение, которое передает нам автор. Восхищение перед сильными и цельными характерами, перед людьми, которые никогда не предают высоких идеалов. Как сейчас не хватает таких героев! Но зов времени, что тогда звучал в Гагаузии, начинает звучать и сейчас. Проза Станева обретает новую актуальность, передает своеобразную эстафету новым героям, уверенным, что жизнь победит смерть. Станев великолепно владеет повествовательной манерой, за его сюжетом приятно следить, а стиль только помогает его движению, не привлекая к себе излишнего внимания.

*Максим Замшев,
главный редактор
«Литературной газеты»,
Председатель Правления МГО
Союза писателей России,
Президент «Академии поэзии»,
член Совета по развитию
гражданского общества и защите
прав человека при Президенте РФ*

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько столетий назад люди разных народов, волею судьбы попавшие под влияние Османской Порты, по разным причинам, но в основном спасаясь от притеснений и нещадной бесправной эксплуатации, покинули свои насиженные места и вернулись на восток в пустынные Буджакские степи Бессарабии.

Особенный размах массовое переселение народов получило в начале XIX века, когда государственности лишились многие народы этого края. Но и там, прячась в пустынных степях, они не чувствовали себя в безопасности.

Их периодически навещали мытари Османской империи, не брезговали появляться в этих краях и приказчики валашских бояр, от поборов которых страдали также немерено. Но ещё хуже были набеги вооружённых отрядов под руководством черкесских и иных князьков, которые, пользуясь внутренней смутой и слабостью центральных властей, позволяли себе безнаказанно заниматься скрытым разбоем. Их набеги были не частыми, но довольно болезненными. Пользуясь полной беззащитностью этих несчастных бесправных людей, их обирали, уводили скот, забирали в неволю молодых девушек и юношей, практически ещё детей.

После достигнутого Бухарестского перемирия между Россией и Турцией в 1812 году земли, находящиеся по левому берегу реки Прут, отошли к России, и жизненная ситуация для этих людей изменилась значительно и надолго.

С тех самых пор все народы в этих краях, попав под протекторат России, зажили сравнительно мирно. Возделывали землю, пасли скот, строили дома, обустроивали свои селения, перенимали друг у друга жизненный опыт, знания, обычаи. Хранили свою культуру, берегли и уважали достоинство соседей. И хотя по ним не раз проходились, довольно безжалостно, политические ветры бурных мировых катаклизмов, они стойко и терпеливо переносили все невзгоды. Не раз их безжалостно секли на площадях, стреляли, травили газами, топили, морили голодом. Навязывали зачастую непонятные и часто чуждые для них идеи. Лучшее и понятное для них приживалось и поддерживалось. Особенно что касалось мирного и честного созидательного труда, просвещения, организации здравоохранения и социального общественного быта. Остальное оставалось за пределами их понимания.

Особо бурное развитие народов этого края как в экономическом, так и в культурном плане произошло после разгрома Советской армией фашистской Германии и их сателлита – фашистской Румынии, крепко хозяйничавшей здесь прежде.

После установления и укрепления в этих краях советской власти сюда были направлены тысячи специалистов, учителей, врачей, инженеров, техников, агрономов. Повсеместно создавались предприятия, строились дороги, школы, больницы, создавались первые колхозы, населению дали первое электричество генераторы механического завода. В небольшом

городке Чадыр-Лунге появился кинотеатр и другие культурные и спортивные сооружения.

Силами комсомольцев завода в центре города был разбит парк, что очень пришлось по душе людям, они с удовольствием высаживали первые деревья, разбивали цветники, устроили первый фонтан. С особой любовью и торжественностью, дождавшись выходного дня, надев лучшие наряды, люди выходили гулять в парк, где устраивались танцы и другие светские мероприятия. Не были забыты и местные традиции, регулярно по выходным и в праздники устраивалась хора, народные гулянья, звучали народные музыкальные инструменты, молодёжь (и не только) становилась в широкий круг и исполняла гагаузские и болгарские хороводы. Всё это происходило торжественно, с великим достоинством.

Но в конце XX века опять наступили политические перемены: этому народу вдруг заявили, что они пришлые на этой земле, что они не имеют права называться народом, не имеют права на свой язык, свою культуру. А если хотят и дальше жить на этой земле, должны полностью подчиняться новым законам, установленным новым правительством, изучать и говорить на другом, отныне единственном государственном языке.

Стоит заметить, что в силу экономических и политических связей молдавский язык широко, и причём не насильственно, употреблялся в обыденной жизни как гагаузов, так и болгар. Молдавский язык преподавался в школах, и все понимали, что это нужно.

Но новые республиканские власти мирного решения этого вопроса не захотели, всё стали решать через жёсткое принуждение. Сначала появились националистические лозунги. Потом в воздухе явно запахло

оголтелым фашизмом. Все понимали: это насилие и диктат. Народ поднялся на борьбу за свои права.

Сначала стихийно, через сумбурные митинги и собрания на площадях, в залах сельских домов культуры, душных от большого скопления людей, потом противостояние стало приобретать организованный вид. Особо активных выдвигали в Верховный Совет Республики. Одних не приняли, других неохотно, но приняли, третьих приняли сразу.

В результате жарких дебатов мой родной и по сей день любимый город Чадыр-Лунгу представляли в Верховном Совете Гагаузской Республики четыре народных депутата: Михаил Гагауз, Дмитрий Губогло, Степан Михальчук и Пётр Пашалы.

Надо сказать, что такое высокое доверие народа было не только почётно и ответственно, нужно было обладать огромным мужеством, крепкой силой духа, я бы сказал – иметь отвагу. Именно те первые народные делегаты несли тяжёлое и опасное бремя ответственности. Любая ошибка, недогляд, любая оплошность или предательство могли привести к фатальному исходу. Народные избранники могли пострадать в первую очередь. Впрочем, рисковали не только они одни, рисковал весь народ. Проявись хоть какое-то малодушие, трусость, и всё могло обернуться большой бедой. А таких исходов история знает немало.

Но не таким пугливым оказался народ и не таких простых людей выдвинул себя представлять. Это были сильные люди, и не потому, что они ничего не боялись. Боялись, конечно: и за себя, и за свои семьи. Но они смогли побороть свой страх. И таких отважных было много.

Именно одним из таких и был среди нас, находящийся в этой колхозной машине, наш командир и

руководитель Дмитрий Зарий¹. Вся техническая организация мирной обороны была предложена им. И осуществлялось всё тоже им. Поражало то, что его распоряжения и приказы стали исполняться безоговорочно абсолютно всеми, сразу после народного выбора. Транспорт, горючее, связь, техника, строительные материалы для укрепления постов, питание, финансы – всё предоставлялось властями города в его распоряжение незамедлительно. Хотя и неохотно.

Полное признание народом этого парня сильно коробило самолюбие районного начальства. Они всю жизнь мечтали и добивались такой беспрекословной власти для себя, но тщетно. А тут какой-то до этого мало кому известный парень, простой работяга вдруг обрёл такую власть, такое добровольное подчинение всех.

Попробую воспроизвести несколько зарисовок событий, свидетелем которых я стал не случайно. Желание быть в трудный час рядом со своим народом на земле, которая меня вскормила, перебороло во мне нерешительность, может, и чувство природного страха, трусливо шептавшего мне слова предостережения ради самосохранения.

Я отправился на мятежную Родину, предварительно созвонившись и договорившись о встрече в аэропорту с земляком Жорой Демирли.

¹ Все имена героев вымышлены или изменены автором во избежание политического преследования.

Рассказ первый

НЕ СЛОМЛЕННЫЕ СТРАХОМ

Вот уже сутки прошли с тех пор, как мы с великим трудом добрались до родного городка Чадыр-Лунга, расположенного на юге Молдавии. И мы буквально с ходу погрузились в этот тревожный мир великого противостояния народов.

Ещё в детстве взрослые нам пояснили происхождение названия нашего селения – «шатёр на длинной речке». Чадыр, или Чатыр, – в переводе с тюркского языка означает «шатёр», а Лунга с молдавского языка переводится как «длинная или долгая», что означает «долгая или длинная река».

И правда, речка с виду неказистая, с течением медленным, русло неширокое. В летнюю жару почти пересыхала, но перешагнуть или перепрыгнуть сложно, даже в самом узком месте, а в другое время года и вовсе не перейти просто так, дно вязкое и илистое. Обойти – довольно долго, и маршрут из одного селения к другому на том берегу значительно удлинялся.

С трудом попав в город, мы быстро нашли друзей, чему те очень удивились и обрадовались одновременно. Все дороги были перекрыты, транспорт не ходил, связь отключена. Тем и важен оказался наш неожиданный приезд. Нас быстро ввели в курс дела. Но информации было много, времени мало, а дел невпроворот. Нас пригласили присоединиться к ним,

что мы и сделали с удовольствием. Наш автомобиль, старенький, но надёжный уазик, в просторечии его именовали просто «буханкой», мерно работая двигателем, притушив фары, подсвечивая себе путь одними подслеповатыми подфарниками, двигался от аэропортовской развилки в направлении украинского селения Малый Ярославец.

Шла вторая неделя противостояния гагаузского народа жёсткому националистическому правлению молдавского руководства республикой. Ночи становились всё темней и холодней. На всех стратегически важных перекрёстках за пределами всех гагаузских селений по ночам люди жгли костры, сначала для обогрева, потом оказалось, что их костры явились символом народной стойкости и решимости.

Наша выдавшая виды машина неспешно катила в ночи, подрагивая на мелких ухабах давно не отремонтированной дороги. Тревожно вглядываясь в тёмные окна, мы пытались уловить хотя бы какие-то проблески света, но бесполезно, за окном стояла кромешная осенняя темень.

Мои друзья Жора Демирли и Николай Губогло, сильно утомившись в этот полный эмоций и тревоги нелёгкий день, задремали, свесив голову. Эти парни, знавшие друг друга с юности, были дружны меж собой. Когда-то успешно игравшие в одной баскетбольной команде, дружившие семьями, теперь разбросанные судьбой по жизни, вдруг опять сошлись вместе. Один, окончив институт, попал в Москву, работал в Министерстве финансов, был на виду у министра. Другой, успешно окончив техникум физкультуры, а затем педагогический институт, работал председателем спорткомитета при райисполкоме, стал достаточно уважаемым человеком.

Сейчас, в трудную для их народа минуту, они оказались вместе в одной машине. Алексей Сары и сидящий впереди Зарий о чём-то увлечённо переговаривались. Алексей объяснял, а Дима внимательно слушал.

Я прислушался, они говорили о просёлочных дорогах. Алексей служил егерем в обществе охотников и рыболовов, заняв место своего отца, который ранее вложил немало сил и здоровья в развитие природной живности этого края. Запускал в редкие в этих степных краях леса первых косуль, завозил из других регионов и выпускал здесь фазанов, разводил в колхозных озёрах рыбу. Придавал организованный вид рыболовству и охоте, сильно пострадал в борьбе с браконьерами. Алексей знал не только все просёлочные дороги и лесные дорожки в округе, но и кабаньи тропы, которые ещё в детстве ему показывал отец.

Короче, мы все находились в разведке. Намедни Зарию сообщили о том, что под селом Кириет-Лунга были обнаружены автобусы с кишинёвскими номерами.

Так получилось, что два друга, кумовья, оказались в Бессарабке, крупном населённом пункте, с крупным железнодорожным узлом, административно граничившим с Чадыр-Лунгским районом. Они выехали туда для встречи Иванны, жены одного из них. Она возвращалась из санатория, где проходила лечение. Именно в это время в Молдавии начали стремительно развиваться драматические события.

В результате того что всё транспортное сообщение с южными районами Молдавии было экстренно прервано, ей не оставалось ничего другого, как приобрести билеты до этой ближайшей к её дому железнодорожной станции, до которой ещё можно было

добраться на поезде пригородного сообщения.

Встретив Иванну, они, не теряя времени, отправились в сторону ближайшего крупного села Кириет-Лунги, коренным населением которого были гагаузы. Старая, давно не ремонтируемая дорога когда-то была единственной трассой, по которой можно было проехать из Чадыр-Лунги в сторону Кишинёва. Надо сказать, что этой дорогой сейчас редко кто пользовался из-за её разбитого состояния. Уже потом, после прихода советской власти, была построена другая шоссейная трасса на Комрат и далее в Кишинёв. Всё автодорожное сообщение уже осуществлялось по ней, а эту дорогу практически перестали использовать в промышленных масштабах. Только местные пользовались ею для своих целей.

Вот по этой дороге кумовья рассчитывали быстро и безопасно вернуться домой. Но выехав за посёлок, проехав железнодорожный переезд, они увидели за поворотом автотранспортную колонну, стоящую вдоль обочины.

Их остановил милицейский патруль. Проверив документы, коротко расспросив о намерениях, поинтересовавшись, куда едут, проверив в паспортах штампы с пропиской, задерживать не стали, отпустили.

Но, поравнявшись с колонной, состоящей из автобусов и других машин, меньших по масштабам, они опять были остановлены. Это уже были вооружённые автоматами люди в гражданской одежде. Направив на них оружие, приказали открыть окна, показать руки. Применяя ненормативную лексику, не стесняясь сидевшей с вещами на заднем сиденье Иванны, в довольно грубой форме, на русском языке, но с выраженным акцентом, приказали предъявить документы.

Друзья попытались возразить, ссылаясь на то, что их только что проверил милицейский патруль. Но один из вооружённых людей больно ткнул его в шею стволом автомата, грязно выругался.

Милицейская машина стала приближаться к ним от конца колонны, но один из штатских преградил ей дорогу. Махнув автоматом, дал понять милиционеру, что им лучше убраться. Те подчинились, развернули машину и уехали. Как только милицейский патруль скрылся, штатские в спортивных костюмах стали вести себя абсолютно беспардонно. Приказали Иванне открыть чемодан и сумку, на что она ответила, что едет с лечения и в вещах ничего, кроме грязных женских вещей, ничего нет. В ответ посыпались угрозы, сопровождаемые оскорбительной бранью. Сидящий спереди муж попытался остановить их, но в ответ опять услышал оскорбительные угрозы. Понимая, что его провоцируют на ответные действия, он замолчал. Только на шее взбухли вены. На скулах играли желваки.

Один из штатских, что помоложе, без огнестрельного оружия, но с новеньким черенком от лопаты в руках, раскрыл лежащий на заднем сиденье чемодан, стал рыться, вытаскивая аккуратно сложенные хозяйкой вещи, разбрасывая по салону женское бельё и другие вещи. Накинув небрежно на голову мужа Иванны какую-то вещь из женского белья, весело захохотал, бормоча на своём языке грязные матерные выражения. Лицо и шея у её мужа от гнева покрылись красными пятнами. Стерпеть этого хамства он уже не мог, в ярости рванулся из машины, но бандиты, их по-другому уже назвать было нельзя, передёрнули затворы и ещё сильнее упёрлись в несчастных людей стволами автоматов. Но тут громко, в голос зарыдала

Иванна. Схватив одну из вещей нестираного женского гарнитура, она в истерике стала хлестать стриженую голову молодого хама – видимо, студента-первокурсника, годившегося по возрасту ей в сыновья.

Тут уже смутились другие штатские, постарше, видимо, чувство совести ещё не было безвозвратно потеряно, стали оттаскивать молодого хама. Что-то стали на их языке говорить молодому пацану. Но тот, судя по перегару, не совсем трезвый, распалился ещё больше, тут из легкового автомобиля вышел пожилой мужчина – видимо, старший из них по положению и офицер по званию. (В том, что это были переодетые сотрудники правоохранительных органов, сомнений не было.) Крепко схватил молодого человека за шиворот, но видя, что парень не успокаивается, дал ему ощутимую оплеуху. Тот, словно провинившийся щенок, вмиг притих, беспомощно в испуге прикрыл своё безусое мальчишечье, но уже приобретшее фашистский звериный оскал лицо.

Через минуту от машины все отступили. Старший дал знак водителю, что они свободны и могут ехать. Никто извиняться не стал. «Жигулёнок», не замечая ухабов, стал быстро удаляться. Иванна, уткнувшись в полотенце, горько плакала.

Когда доехали до окраины села, их остановили на расположенном здесь сооружённом на скорую руку импровизированном посту. Дорога была перекрыта селянами двумя большими тракторами на колёсном ходу с грозно ошестившимися, блестящими от пахоты, прицепленными плугами. Обочины были перекопаны. За тракторами были уложены в два ряда бетонные блоки, за которыми укрывались люди. Заикаясь от возбуждения и гнева, друзья рассказали им о случившемся на дороге. Просили сообщить в Чадыр-

Лунгу об обнаруженной колонне с кишинёвскими волонтерами.

Приехав в город, высадив Иванну у дома, друзья поспешили к райисполкому, где располагался штаб самообороны. Но тут по всему городу тревожно завыли сирены.

Они остановились, встретившийся им знакомый мужчина пояснил: объявлена тревога, под Кириет-Лунгой появились автобусы с волонтерами. Поняв, что их сообщение дошло, они развернулись и поехали к товарищам, на свой пост.

Уже ближе к вечеру стало известно о неприятном событии в селе Твардица, населённом преимущественно болгарами. Там простые женщины и срочно подъехавший к ним председатель колхоза Парликов Пётр Михайлович задержали колонну автобусов с вооружёнными волонтерами из Кишинёва. Они наотрез отказались пропустить их колонну через село в сторону нашего города. Под огромные колёса автобусов легли, но вооружённых автоматами людей не пропустили. Впрочем, испить водицы из сельского колодца им дали.

После сообщения из Кириет-Лунги об обнаруженной колонне с вооружёнными людьми из Кишинёва и последующей попытке их прорыва в селе Твардица все стратегические перекрёстки и другие всевозможные подъезды к населённым пунктам, где компактно проживали гагаузы, были перекрыты. О героическом поступке жителей села Твардица ходили легенды.

Началось жёсткое противостояние.

И вот сейчас мы искали эту милицейскую колонну. Им каким-то образом (не исключено, что здесь не обошлось без банального предательства) удалось незамеченными проскользнуть мимо постов Кириет-

Лунги и появиться в Твардице. Не проехав через это болгарское село и по другим территориальным землям Молдавии, они въехали на украинскую административную территорию и в объезд, уже без препятствий, двинулись в сторону мятежной Чадыр-Лунги, небольшому, но серьёзному по местным масштабам районному городку. Но на молдавской территории колонна почему-то не появилась. Это было странно. Вот мы и отправились их искать.

Так как неопределённость рождала тревогу, Зарию по спецканалам поступила информация об их главной цели. Но мы и так понимали: националистически настроенному руководству республики необходимо ввести на мятежную территорию гагаузов корпус миротворческих вооружённых сил генерала Шаталина. Наскоро созданные и уже проявившие себя в устранении кровавых беспорядков в азербайджанском Сумгаите силы были подтянуты к этому беспокойному региону. Но выраженных беспорядков здесь не наблюдалось, и острой необходимости ввода не было. Для создания условий ввода необходимо было устроить провокацию, желательно серьёзную, с жертвами.

Особо опасными целями были нефтебаза и склады с реактивными снарядами противорадовой артиллерийской службы – это исключительно мирное подразделение, созданию которого все радовались когда-то и даже гордились его размещением у нас в районе. Трудями этой службы повышался уровень защиты от опустошительного ледяного града сельскохозяйственных посевов и получения гарантируемого урожая. Теперь же, размещённый на склоне высокого холма, противорадовый дивизион со складскими шахтами, заполненными снарядами, представлял

смертельную угрозу для мирного города.

Огромные цистерны нефтебазы, заполненные горючим (они были расположены в городе, но в сравнительно удалённом от жилых районов месте), не представляли особой опасности, хорошо охранялись, и подобраться к ним незамеченным было сложно. А вот взрыв артиллерийских складов, расположенных на склоне высокого холма на городской окраине, мог накрыть городские жилые кварталы и другие объекты разлетающимися в беспорядке снарядами. Вот к ним и пытались подобраться недруги. От места, где их засекли последний раз, до шахт было совсем близко. Хорошо вооружённые, они с лёгкостью могли бы прорваться через безоружные посты. Но они пропали.

Надо сказать, что жители города и сёл тоже понимали серьёзность их положения. Зарий на одном из собраний на городской площади обратился к народу с просьбой соблюдать порядок. Не только в городе, но и в сёлах установилась полная тишина. Не то что драк или каких-либо скандалов, даже громких разговоров не было слышно. Того, кто всё-таки недопонимал, а такие были, одёргивали, ставили на место сразу. Где-то в частных гаражах произошло мелкое столкновение легковых машин, у одной из них было повреждено крыло. Случившееся стало чрезвычайным происшествием для всего города. Весть облетела окрестности мигом. Неприятный холодок пробежал по спинам почти у всех. Виновников, а они были достаточно известными людьми в городе, тихо отправили домой. Их на улицах больше не видели. Милиции тоже видно не было. Они перешли на казарменное положение, но работы по сохранению общественного порядка им не было, хотя руку на

пульсе города они держали. Но всё же нейтралитет сохраняли, к огромному неудовольствию сильно националистически настроенного министра внутренних дел республики.

Вдруг машина затормозила. От неожиданной резкой остановки проснулись Жора с Николаем. Все стали тревожно вглядываться в темень. Далеко впереди виднелся мерцающий огонек. Мы, стараясь не шуметь, открыли дверь «буханки», вышли наружу. Все напряжённо всматривались в темноту, стараясь определить характер источника далёкого света. Огонёк тихо мерцал, не перемещался. Находился далеко впереди, точно на нашем пути. Тревожил.

– Впереди перекрёсток. Там дорога уходит в сторону болгарского села Валя-Пержий, – задумчиво проговорил Алексей.

Надо сказать, что, не зная, как себя обезопасить от воинственно настроенных волонтёров, в том числе и вооружённых отрядов кишинёвской милиции, направленных в наши края, на всех стратегических перекрёстках вокруг административного района были выставлены народные посты. Для обогрева людей и хоть какого-то освещения были разожжены костры. Как оказалось, эти народные костры сыграли свою важную роль в нашем тяжёлом тревожном противостоянии. Вот и сейчас, двигаясь в кромешной темноте, мы натолкнулись на такой разожжённый костёр в степи. Но его в этом месте не должно было быть.

Справа, в шести километрах от нас, расположено большое старинное село Валя-Пержий. Оно преимущественно заселено болгарами, но там издавна проживало довольно много молдавских семей. Все они живут вместе с незапамятных времён. Ведут свой,

сложившийся веками, ярко выраженный по национальному признаку образ жизни. Нельзя сказать, что они сильно дружат, но ссор или непонимания между ними никогда не было. Они просто не мешают друг другу жить, скорее даже уважают национальный уклад и народные обычаи своих соседей. Все трудились в одном колхозе, и, к слову сказать, колхоз был передовым в районе. В отличие от других, имел знаменитый винзавод, свою птицефабрику и цех по переработке мяса птицы. Этим людям не мешали разные языки и обычаи. У нас с братом в этом селе было много друзей, как среди болгар, так и среди молдаван.

– Может, это костёр горит на этом перекрёстке? – тихо спросил Жора, обращаясь к Зарию.

– Но кто мог выставить пост? Во всяком случае, мы поста здесь не планировали и указаний никому не давали, – ответил в раздумье Дима, – хотя и надо было, но стеснялись беспокоить болгар.

– Очень удалённое место, опасно, в случае чего мы не успели бы оперативно прийти на помощь. И местное население могли бы обидеть, выставив там свой пост. Может, это всё-таки те, кого мы опасаемся и кого ищем?

– Вычислили наше слабое место, – озабочено проговорил Михаил. – Вот и пробираются с этой стороны, где мы не ждём.

– А костёр слабый жгут, греются. Ждут сигнала их разведки, – проговорил ему в тон охотовед.

Зарий, пользуясь молодым, сильным телом, ловко зацепившись за скобу, попросил нас посадить его, подтянулся и закинув ногу, ловко оказался на крыше «буханки». Сверху он более чётко разглядел огонёк. Сомнений у него не было, это вдали горел тусклым

светом костерок.

«Видимо, дров для костра там было негусто. Экономили. Или таились? Надо бы как-то незаметно подобраться, разглядеть поближе», – задумался командир, озабоченно вглядываясь в темноту.

– Давай подъедем поближе без света, дальше машину тихо дотолкаем, а потом, используя эффект неожиданности, включим фары, ослепим, потребуем сдать, – предложил смелый план водитель уазика.

– И с испугу получим в ответ очередь из автомата. Они хоть и вооружены, но всё равно боятся, тем более что находятся в чужих для них местах, – строгим голосом обрезал Зарий. Помолчав, продолжил: – Автобусов в отсвете огня не видно, может, подальше стоят.

– Давайте я пойду один, – предложил несмело я, – одного не испугаются, потребуют документы, а у меня паспорт выдан в Москве, с московской пропиской, отмечено, что я родился в Саратове. Тронуть не должны. Если всё в порядке, я фонарём мигну три раза. Если нет или по принуждению, то количество сигналов будет иное. Далее будем действовать по обстоятельствам.

Наступила тишина. Видимо, все обдумывали моё предложение.

– Может, вместе пойдём, – проговорил Жора, – у меня тоже московский паспорт выдан в Москве.

К слову сказать, мы вместе сюда добрались окольными путями. Самолётом до Кишинёва, потом поездом до Одессы, дороги на юг Молдовы были перекрыты. Потом на попутках через украинский город Болград, населённый преимущественно болгарами. У села Чумай пересекли географическую границу между Украиной и Молдавией, где были останов-

лены, проверены и тактично допрошены выставленным армейским постом миротворческих войск генерала Шаталина, но великодушно были ими отпущены.

– Нет, у тебя отмечено место рождения местное, – возразил я.

– А у тебя в паспорте записано, что ты по национальности гагауз. А этого больше чем достаточно, – не сдавался Жора.

Тут наш спор прервал командир. Он жёстким голосом, не терпящим возражения, проговорил:

– Так! Никто никуда не пойдёт. Все садимся в машину, не скрываясь, с зажжёнными фарами, спокойно едем по дороге. Если заметим в свете фар автобусы, разворачиваемся и быстро уходим. Если нет, то спокойно подъезжаем и всё выясняем на месте, – он замолчал, осмотрел внимательно каждого, строго спросил: – Оружие у кого-нибудь, может, случайно имеется? Если да, то рекомендую избавиться. Это может обернуться крупными неприятностями или ещё хуже, погубить всех и самое главное – наше великое народное дело.

Все понимающе ответили, отрицательно покачивая головами. Зарий, внимательно оглядев ещё раз каждого, приказал грузиться в машину. Водитель завёл машину, включил дальний свет в фарах и медленно тронулся с места.

Подъехав поближе, мы смогли убедиться, что действительно посреди перекрёстка горел костёр, в отсветах виднелось пять фигур каких-то людей. Увидев нас, подбросили веток. Костёр разгорелся ярче. Чётко обозначились фигуры людей, явно не военных и не представителей милиции.

Не доехав, мы остановились на небольшом рас-

стоянии. Зарий, приказав водителю не глушить двигатель, а нам оставаться на местах, не выходить без сигнала, раскрыл дверь и выпрыгнул из машины.

И хотя мы все находились в крайнем напряжении: практически все взмокли, по лицам текли капли пота, – волевой команде командира подчинились безропотно. Тот, оглядевшись, решительным шагом направился к костру.

В розовых отсветах огня виднелись напряжённые фигуры испуганных людей. В их руках были крепко зажатые обычные в сельской местности инструменты, вилы, штыковые лопаты, у одного был в руках топор.

Тем не менее, невзирая на воинственный вид встречающих, Дмитрий подошёл вплотную к этим людям, видимо, поздоровался, так как один из них, опустив вилы, пожал протянутую руку Зария. Потом пожал руку второму, потом третьему. Поприветствовав всех, видимо, успокоившись, он разрешающе махнул нам рукой.

И тут я, расслабившись от напряжения и страха, почувствовал мокрую от струившегося пота спину. В моём воспалённом мозгу пронеслось: «Что же чувствовал этот парень, смело шагнувший навстречу смертельной опасности, и что довелось испытать ему в прошлой жизни, чтобы вот так сразу принять решение и смело исполнить его». Я лично к такому не был готов.

Да, герой он и есть герой. И тут я понял: этот народ не победить. И в душе уверился в где-то услышанной фразе о том, что можно победить сильную армию противника, но невозможно победить сильный народ.

Подойдя к костру, мы увидели простых людей, в

телогрейках, сапогах, стареньких фуражках, шляпах и папахах из бараньего меха. На вопрос, кто они, откуда, старший из них по возрасту, невысокий, тщедушного телосложения мужичок, видимо, не оправившись ещё от страха, махнул:

– Мы из Валя-Пержий, болгары из села.

Зарий, находясь ещё в волнении от пережитого (видимо, не только мы испытали страх), спросил:

– Кто вас сюда направил, почему? Болгарское население мы не привлекаем, и гагаузы стараются вас не втягивать в конфликт. Зачем вас послали сюда?

Испуганные ситуацией люди, немного успокоившись, разглядывали нас. Убедившись, что мы безоружны и опасности не представляем, с любопытством смотрели на Зария, обычного парня, единственного одетого в перетянутую армейским офицерским ремнём камуфляжную форму, но без оружия, с суровым скуластым обветренным лицом, со строгим цепким взглядом.

– Да мы... на совете села решили выставить свой пост, чтобы не пропустить мимо себя ваших недругов, – ответил несмело дрожавшим голосом пожилой, но ещё крепкий мужичок. Его сморщенное от жаркого летнего солнца и тяжёлой крестьянской изнуряющей работы лицо выражало усталость от неопределённости и напряжения непривычной ситуации, в которой он оказался.

Чувствовалось глубокое отчаяние этих мирных людей, собравшихся здесь не по принуждению, а по совести, их огромная ответственность за будущее своего народа, своих детей и право своего народа на свободу. Они отстаивали своё, непонятное им до конца чувство солидарности с вдруг восставшим братским гагаузским народом. Это чувство было природным,

не понимаемым ими с точки зрения философии и политики, самоопределения народного самосознания. И тем величественнее оно оказалось.

У меня мурашки побежали от зависти к мужеству этого великого маленького человека. Я буквально испытал чувство страха, пережитого им. Одновременно я ощутил огромное чувство благодарности к этому болгарину, простому труженику, великому гражданину нашего народа. Да, именно нашего, так как с этого момента я больше не мог провести линию разграничения между нашими народами. Мы были братьями на своей земле. К тому же среди этих мужественных людей оказался молдаванин, такой же пахарь, кормивший себя и свою семью от этой же земли. Корю себя за то, что не записал имена этих людей, да и цели рассказать об этих людях у меня на тогда не было.

Мои размышления прервал голос командира. Он, оправившись от увиденного и, вероятно, тех же мыслей и чувств, что посетили меня и моих товарищей, встрепенулся и вернул нас к насущной действительности.

– Так, грузимся в машину, следуем вперёд, ищем следы присутствия кишинёвских волонтеров. По наблюдениям этих людей, они видели вдали отсветы автобусов. Но приближаться к ним не стали, свернули на просёлочную дорогу.

Загасив папиросу, он проговорил в задумчивости:

– Я думаю, неожиданно появившийся отсвет на их пути этого костра смутил их, тем самым нарушив планы, – и более решительным голосом, но с нотками уважения, обратился к валя-пержским героям, иначе их и не назовёшь: – Приказывать вам не могу, но прошу костёр не гасить, подбросить остатки дров,

а самим отправиться в село. Передайте огромное спасибо сельчанам за поддержку, – и голосом, не терпящим возражения, добавил: – Вы исполнили ваше предназначение, волонтеры не пошли дальше. Их остановил ваш маленький, но великий костёр. Ещё раз большое вам спасибо, а сейчас идите домой. Дальше наше дело.

Люди сняли свои папахи, потрёпанные фуражки, шляпы, прижали их к груди. Их лица, несмотря на розовые отсветы костра, посерели. Видимо, от наступившей смертельной усталости и вдруг отступившего чувства страха. Пожав их натруженные, мозолистые крепкие руки, мы пошли к ожидавшей нас машине, мерно урчавшей работающим двигателем.

Проехав с полкилометра, водитель остановил машину, выключил двигатель, оставив в фарах ближний свет. Мы вышли на воздух. Хотя на улице полным ходом хозяйничала осень, было довольно тепло. Вокруг стояла темень и полная, я бы сказал, очень тревожная тишина. Но скорее тревога была в нас самих, она давила на наши плечи, воздействовала на наше сознание. Неопределённость нашего положения угнетала. Устранить её было нашей главной задачей. Я попытался закурить, но наш командир не терпящим возражения тоном запретил мне это делать.

Рассыпавшейся цепью мы сошли с дороги, стали прочёсывать заросшее пространство между лесополосой и кустарниками вдоль дороги. Сюда, по рассказам постовых, съехали разыскиваемые нами автобусы с присланными Кишинёвом вооружёнными милиционерами. Наш водитель, найдя удобное место, съехал с дороги, стал подсвечивать нам местность.

Так, пройдя метров двести, мы вдруг увидели среди примятой травы множество разбросанных пустых

консервных банок из-под тушёнки. В заросшей акацией лесополосе обнаружили множественные следы человеческих испражнений. Нам стало ясно: здесь был организован большой привал.

– Пришли, изгадили природу, – ругнулся в сердцах егерь.

– Заботишься о природе? Лучше принеси из машины мешок, у водителя должен быть в запасе. Он предприимчивый мужик, – сказал Дмитрий.

Алексей слегка насупился. Но Дмитрий, словно извиняясь за неуместную колкость, уже серьёзно пояснил:

– Соберём быстро банки, а потом в штабе посчитаем их количество, из расчёта одна банка на человека узнаем их количество. Здесь задерживаться нам не с руки. Вдруг они скрываются недалеко и наблюдают за нами?

– Понятно, – облегчённо вздохнул егерь, – заодно и порядок наведём.

Исследовав следы от колёс на примятой траве, мы поняли: машины выехали на трассу и убрались в обратном направлении, восвояси, не зажигая фар. Поэтому мужики у костра их больше не видели. Видимо, действительно костёр их отпугнул. Да и понятно, кому охота проявлять чудеса героизма в чужих местах. Они тоже большей частью из крестьян, и им нет разницы, на каком языке говорят люди, пашущие землю в этих краях. Тем более они, скорее всего, разведали обстановку и поняли, что на дороге стоят совсем не гагаузы и насильственный проход через пост болгар не будет способствовать им в их далеко недобром деле. Вот и ушли подобру-поздорову.

– Ладно, понятно, – проговорил облегчённо Дима и, больше не таясь, закурил свою папиросу, – поста-

вим здесь «канарейку» на всякий случай. Пусть подежурит, – заметив мой недоумённый взгляд, пояснил: – Спрячем в кустарнике машину, оборудованную рацией.

Перекурив, мы, уже несколько успокоившись от прояснившейся ситуации, с облегчением отправились к светящемуся в ночи далёкими мигающими огоньками мятежному городу.

Рассказ второй

ОТЧАЯНИЕ

Побывав ещё в нескольких местах, проверив подступы к нефтебазе, привокзальным и железнодорожным объектам, поговорив с людьми на постах, мы рассказывали им последние новости, как местные, так и телевизионные, хотя позитивных практически не было, и это начинало действовать угнетающе.

С экранов телевизоров лились сухие однообразные фразы, в каменных лицах телеведущих ничего нельзя было прочесть. От них веяло безразличным холодом, и ничего хорошего это не сулило. Но всё скрашивала ведущая студии «Телевизионной службы новостей» канала НТВ Татьяна Миткова. Зажатая строгим контролем, оставаясь в рамках дозволенного, она невероятным образом, тонко играя тембром своего голоса, лучами тепла, которое исходило из её карих родных болгарских глаз (во всяком случае, все очень этого хотели), ставшего нам таким родным лица, своей гордой осанкой она выражала поддержку этому мятежному народу. Как ей это удавалось, непонятно. Но это было. В ней видели надежду.

Тем не менее с каждым днём становилось тревожней. В воздухе, вместе с ежедневно барражировавшим над нами вертолётom, витал дух злобной смерти. Уже случился кровавый Тбилиси, Карабах, Сумгаит. Теперь опасность висела над этими людьми.

Очень тяжело было провожать взглядом эту надзирающую, сейчас сильно провоцирующую, а ранее мирную, сказочную воздушную машину, которой радовались местные пацаны, когда она изредка прилетала в мирный город по своим делам.

Но странное дело, на некоторых постах, несмотря на темень и слабые отсветы от костра, иногда нас узнавали. Сначала узнали Жору, потом появлялись и мои знакомые. Меня сначала узнал мой сосед по улице Петя Попов, потом и другие. С одними мы бегали в босоногом детстве, с кем-то учились в школе, с кем-то занимались спортом.

Но какова была радость на лицах этих простых людей! Их громкие радостные возгласы в ночи – «смотрите, смотрите это Жора, это Петя, они приехал из Москвы!» – поднимали людей с места, они подходили к нам, жали нам руки, обнимали. Но и вопросы задавали нам острые, тяжёлые.

– Как Москва?

– Почему молчит?

– Нас лишают наших прав, не разрешают говорить на нашем языке, открыто называют пришлыми.

– Чем помешал им наш язык?

– Они хотят в Румынию? Пусть идут, но нас не трогают. Наши деды ещё помнят, как их спины секли румынские кнуты.

– Почему к нам не едут корреспонденты?

– Мы хотим им всё рассказать, мы не против молдавского народа, мы против националистической позиции правительства республики. Это пахнет фашизмом.

Что мы могли ответить этим возбуждённым людям? Как мы могли их успокоить? Растревоженные, они ждали от нас ответа. За всю Москву, за весь

Советский Союз, за всё правительство. В их глазах жила надежда, такая слабая, тающая с каждым мигом нашего смущённого молчания. И я, приобняв Петра, своего товарища и тезку из далёкого детства, чувствуя его поддержку, заговорил. Пытаясь погасить растерянность, я придал голосу некоторую жёсткость:

– Уважаемые мои земляки! В России и Советском Союзе таких небольших народов немало. Если правительство позволит отделиться хотя бы кому-нибудь, то начнётся цепная реакция. Наступит хаос. Мы развалимся как Союзное государство. А именно этого и добиваются наши недруги. Они не смогли нас победить, потому что мы были вместе. Мы были дружны, а значит, были сильными. На самом деле Москва рада, что мой небольшой, но гордый народ, гагаузы, противостоит оголтелому национализму. Но говорить об этом громко на весь мир она не может. Союзное правительство ведёт работу по своим каналам. Пытается убедить республиканское правительство не применять силу. Оно держит свои войска рядом. Именно они помогли остановить кишинёвских волонтеров. Первый, кто проявит несдержанность и применит силу, будет наказан. Вот и кружат чёрные вороны вокруг нас, хотят устроить провокацию. Поэтому вы и стоите тут, в холодной тревожной ночи, тем самым спасаете свой народ, свои семьи от наших недругов. А мы с Жорой потому здесь, что хотим быть в эту трудную минуту рядом, а не в тёплых московских квартирах. Нам всем нужна выдержка и спокойствие, а ещё – вера в такой же простой, как и вы, трудовой молдавский народ. Я верю, что им нет дела до того, на каком языке говорят люди, пахущие землю в этих южных местах, как и вам нет дела, на каком языке

говорят пахари, живущие северней. А зарвавшимся националистам мы вместе дадим отпор!

От волнения у меня пересохло в горле. Я замолчал.

Один из знакомых Жоры, пожилой, но довольно крепкий мужчина, обратился к нему недоверчиво.

– Бу адам доору сёлер? Алдатмер бизи? Москвада унутмадылар бизим инсаны? – проговорил он на гагаузском языке, спрашивая Гришу Демирли, правду ли говорит этот человек, что Москва не забыла о гагаузском народе и что-то делает для их защиты.

Получив утвердительный ответ, он обернулся к людям, сорвал с головы свою старенькую, ещё дедову папаху, подбросил её вверх, радостно заорал что было сил, уже на русском языке:

– Ура-а-а! Москва с нами! Ура-а-а!

Тут все стали обнимать нас, обниматься сами. И я понял, нет, почувствовал поступившую новую силу в этот народ. Им нужна была поддержка, простая, но тёплая. Народ силён, пока он верит.

Мы с Жорой переглянулись. Поняли друг друга без слов. Ещё в Москве, когда мы были в аэропорту, нас обуревали сомнения, нужны ли мы здесь. Не будем ли пустым балластом, помехой? Теперь поняли: мы на месте, мы рядом со своим народом.

Пообщавшись ещё немного, мы, попрощавшись, сели в «буханку». Немного подождали Зария, нашего командира, который, исполняя свои обязанности, давал последние наставления посту. Через некоторое время мы, воодушевлённые, тронулись в дальнейший путь.

Подъехав к очередному посту, увидели, что сидевшие у костра люди повскакивали со своих мест, устремились кто куда. Один из них подбежал к наспех сооружённому шлагбауму и как-то суетливо стал открывать

его, давая нам возможность беспрепятственно проехать. Этим и воспользовался наш водитель: поддав газу, он, не останавливаясь, лихо проскочил пост.

– А ну, стой! – вдруг скомандовал Дима. Он обернулся вполоборота, пытаясь что-то разглядеть через подслеповатое заднее окно «буханки». Уже посуровевшим командным голосом приказал водителю:

– Сдай назад!

Машина медленно, двигаясь задним ходом, вернулась на освещённую костром территорию поста. Зарий дождался, когда к машине подойдёт мужчина средних лет – видимо, старший поста. Покрутив ручку стеклоподъёмника, приспустил стекло.

– Здравствуйте! – сдержанно поприветствовал подошедшего мужчину Дмитрий. Тот скромно ответил на приветствие, слегка прикоснувшись пальцами правой руки к козырьку старенькой фуражки.

– Вы что здесь делаете? – спросил строгим голосом подошедшего.

– Ну вот, по вашему приказу выставили здесь пост, охраняем перекрёсток.

– И какая перед вами стоит главная задача? – не унимался Зарий.

– Никого не пропускать в сторону города, – ответил старший поста, озадаченный вопросом.

– Почему свободно пропустили эту машину? – продолжал задавать вопросы Дмитрий?

– Мы же знаем вашу машину, вот и пропустили, – настороженно, ожидая подвоха, ответил мужчина.

– А кто я такой? Вы меня знаете? – в вопросе командира чувствовались металлические, какие-то злые нотки.

– Дмитрий Дмитриевич Зарий, наш командир. Вас выбрал народ. Вас все знают и подчиняются толь-

ко Вам, – как-то доброжелательно и с уважением, с какой-то затаённой гордостью ответил уже многое познавший в жизни и много повидавший и этим утомлённый человек, назначенный здесь старшим.

– Василий! Как Вас по батюшке? – уже миролюбивым голосом спросил тоже немного уставший от свалившегося на него груза ответственности командир.

– Я Захарьевич по отцу, – немного напряжённо ответил старший поста.

– Василий Захарьевич! Ну почему Вы не остановили нас, не проверили пассажиров? Ну и что, что это я и вы знаете мою машину, знаете меня. Может, я захвачен и еду в этой машине, находясь под дулом у виска? Это может быть очень лёгким способом проникновения диверсантов на территорию города с их чёрными замыслами, – проговорил дружеским, но очень убедительным и в то же время огорчённым голосом Зарий.

– Извиняйте, Дмитрий Дмитриевич! Не подумали об этом. Учтём на будущее.

Тут Зарий решительно открыл дверь, вышел из машины, протянул раскрытую ладонь Василию, пожал мозолистую руку этого механизатора из второй бригады.

– И ты прости меня, я тоже виноват, упустил этот момент при инструктаже. Но вы с вашими людьми будьте внимательней и осторожней, это и есть бдительность. На это надеются беззащитные люди нашего города.

Они еще раз обменялись на прощание крепким рукопожатием.

Наша «буханка», урча усталым мотором, медленно двинулась дальше в тёмную тревожную осеннюю ночь. Когда немного отъехали, я устало откинулся

на жёсткую спинку бокового сиденья и задумался об увиденной только что немного драматичной сцене двух людей, созданных для мирного сельского труда. Но судьба перевернула всё, заставила заняться совершенно несвойственной им деятельностью, нарушив их однообразную, спокойную жизнь. На самом деле мы ещё многого не знали и не понимали. Пусть нелёгкая, полная разных житейских забот, но всё же беззаботная, безбедная, свободная от тупых, искусственно созданных препятствий и, как впоследствии оказалось, счастливая жизнь уже окончилась. Всех нас впереди ждали крутые перемены. Мы все: сидящие в этой машине, стоящие у костра на постах, – скоро будем не просто зарабатывать себе и своей семье на хлеб, а в прямом смысле добывать этот хлеб. Мы и не подозревали, что скоро многие, потеряв работу, оставят свои благополучные дома, родные семьи и отправятся в далёкие, отнюдь не родные края и в их лексикон вернётся хорошо забытое старое слово – гастарбайтер. А сейчас перед нами стояла главная задача – защитить право на свою землю, на которой мы живём столетиями, и не допустить на этой земле крови.

Мы ещё не знали, что буквально в сотне километров от нас, на берегах древнего Днестра, совсем скоро разразится великая драма между народами – ранее дружными, трудолюбивыми и едиными в своих общечитетских взглядах. И только через много чёрных обогранных кровью и злобой дней, с помощью пушек и танков миротворцев под командованием генерала Лебеда кровопролитие будет с трудом остановлено. А сейчас мы ехали молча среди колхозных полей, обильно политых трудовым потом...

Я встрепенулся, сбросил тяжёлые думы, желая скорей отвлечься, тихо спросил Дмитрия:

– Скажи, пожалуйста, а откуда у тебя такой опыт организации обороны? Этому учат в военных академиях, опираясь на исторический опыт. А где тебя научили? В Афгане? В десантуре?

Зарий ответил не сразу – наверное, думал, что сказать мне и отвечать ли вообще практически незнакомому человеку. Видимо, не пожелав обидеть меня, тихо заговорил:

– Не знаю, но я в Афганистане не был и в десанте не служил. Просто давал присягу в обычной военной части в серьёзных войсках Советской армии.

Он сидел на переднем сиденье рядом с водителем, и ему было неудобно говорить со мной, поэтому он привстал и, опершись о крышку двигателя, развернулся ко мне удобней. Увидев моё удивлённое лицо, продолжил:

– Понимаешь, кто-то распустил этот слух о моей службе в Афгане, о том, что я воевал там, будучи в десанте. Нет, этого не было. Просто на собрании стали обсуждать кандидатуры на руководителя самообороны, – он снял свою камуфляжную фуражку, обтёр лицо и лоб, пригладив пышные, свисающие по краям рта русые усы, устало положив её на колено, продолжил: – Понимаешь, говорили много, горячо, было много офицеров-резервистов, но возглавить организацию обороны города по разным причинам все отказались. После моего выступления с критикой в их адрес они меня и предложили на народном собрании, то есть митинге на площади, – он помолчал и тихо, с грустью в голосе и какой-то затаённой обидой проговорил: – Вот так всё и случилось, – но тут он уже спросил меня, прямо глядя в глаза: – А почему ты спросил? Я же понимаю, что этот вопрос неспроста.

Я смутился. Не зная, чем объяснить, своё поведение и свои вопросы, я помолчал несколько мгновений. Ну как я ему мог объяснить, что в то время я уже много писал, правда, больше в стол. Хотя мои первые рассказы уже взяли для печати в одной из районных газет на Рязанщине.

– Да так, почему-то спросил. Интересно наблюдать, как у тебя это получается. Я бы так не смог. На это талант должен быть или божье провидение.

Он вдруг опять развернулся, глянул мне пронзительно в глаза, спросил:

– Нет, ты не из органов, но кто ты?

Тут я ещё больше смутился. Его вопрос поставил меня в тупик. Я понимал: что бы я ему сейчас ни сказал, что бы ни ответил, он всё равно не поверит и останется при своём мнении. Уж очень откровенными были мои вопросы. И я понимал его: он опасался.

На самом деле он оказался в этой роли случайно, неожиданно для себя и для всех. И последствия для него и его близких могли быть самыми плачевными, вот почему другие, может, более грамотные в военном деле люди, ориентируясь на житейские вопросы, просто отказались светиться. И потом, спустя время, когда всё более-менее успокоится, его невзлюбят, и даже больше – возненавидят, свои же. Ведь он стал невольным свидетелем их, мягко говоря, малодушия. Самое страшное, что он был обречён, все исторические народные герои кончали плохо. Их часто предавали свои же, в результате их очерняли всячески, сжигали на костре заживо как Орлеанскую деву или рубили головы как Емельяну Пугачёву и многим другим. Я в то время ещё не знал, не мог знать, что спустя тридцать с лишним лет политические ветры задуют совсем по-другому и многих людей, в том числе и За-

рия, начнут преследовать за их убеждения. Именно этого боялись офицеры-резервисты, отказавшись возглавить оборону.

Мои грустные размышления прервала вдруг ожившая рация. Далёкий голос, пробиваясь сквозь помехи, о чём-то просил. Вслушиваясь, мы еле расслышали:

– Ответьте третьему посту. Я пост три. Ответьте. Приём, приём.

Дмитрий взял микрофон, стал отвечать:

– Я первый, я первый. Слышу вас, говорите. Приём.

Но в ответ – тишина. Из динамика слышно было только далёкое потрескивание. Зарий вызывал снова и снова, но ответа не было. Лицо Дмитрия посерело. Он вызывал снова и снова. Но рация мочала. Тогда, видимо, растерявшись, он обернулся к нам.

– Что будем делать?

Мужики встрепенулись, обстановка опять накалилась. У всех в головах пронеслось: «Пришла беда, которую мы все так боялись».

Первым, кто прервал наши ужасные мысли, был Николай.

– Дима, запроси другие посты, пусть все, кто нас слышит, запрашивают третий пост. Это место самое удалённое от нас. Мы кого-нибудь всё равно да услышим. А сами у штаба высадим одного, пусть там предупредит и потребует организовать помощь на третий пост.

Я не сразу понял, что третий пост находится около противоградовой службы и перекрывает туда подъезд, но, поняв, понял весь драматизм ситуации. Глянув на охотоведа, я увидел капли пота у него на лбу. Он понял всё раньше меня. Тут я сильно пожалел, что втянул его в эту историю.

Зарий, быстро сориентировавшись, коротко приказал водителю:

– Жми, Ваня!

Сам стал, судорожно давя на гашетку микрофона, вызывать другие посты. Его голос опять обрёл уверенность. Теперь он знал, что надо делать. Но рация в ответ молчала. Водитель выжимал из «буханки» всю мощь.

Когда проехали пару километров, рация вдруг ожила. По всей видимости, мы проехали мёртвую радиозону.

– Я пост первый, я пост первый. Слышу пост третий. Приём.

– Что у них случилось? Приём, – напряжённым, но спокойным голосом спросил командир.

– Да ничего не случилось. Спрашивают, когда будет смена.

В машине наступила мёртвая тишина. Водитель резко затормозил. Когда машина, скрипя тормозами, остановилась, громко, в сердцах, выругался. И тут всех словно прорвало. Кто ругался матюгами, кто вытирал холодные капли пота, Жора и я нервно смеялись. Молчал один командир. Потом он медленно поднёс микрофон к губам и спокойным голосом, нажав переговорную кнопку, проговорил:

– Я первый, я первый, передайте третьему. Смена будет через час – может, раньше. Передайте мои извинения. Не проверил, замотался.

Все замолчали, кто в облегчении, кто в изумлении, дивясь выдержке и такту командира.

Потом он обернулся к нам, тихо проговорил:

– Спасибо, мужики!

Все удивились:

– За что спасибо?

– За то, что были рядом. Вы – Мужики! Без вас я бы не справился.

Машина, медленно подъехав к штабу, остановилась. И только выйдя на воздух, мы почувствовали смертельную усталость. Хотели пройти в штаб, но нас остановил Дима.

– На сегодня всё, мужики. Идите по домам.

– Нет, командир, мы не пойдём, – проговорил за всех Жора.

Но Дима был неумолим:

– Жду вас завтра в десять, приходите. Я буду вас ждать. Завтра день будет не легче. Ваш совет мне будет нужен. Вы надёжные. Пока! Всем спокойной ночи.

Он протянул нам свою крепкую мозолистую руку.

Рассказ третий

ИСКУШЕНИЕ

Когда проснулся утром, в голову сразу пришла первая мысль: «Проспал. Который час?..» Я мигом вскочил, стал искать брюки. Ни брюк, ни рубашки не было. Лежал сложенный заботливой рукой только свитер. Я понял, это мама. Вчера, лазая по оврагам, кустарникам, греясь у костров, прилично ухайдакал свою московскую одежду. Найдя в дорожной сумке спортивные штаны, быстро натянул их. Вышел из дома на крыльцо. Мать копалась в курятнике.

– Мам! – громко окликнул я сердитым голосом.

Та распрямилась, вопросительно глянула на меня.

– Штаны с рубашкой брала?

– Брала, постирала.

– Меня люди ждут, в чём я пойду?

Я рассердился ещё больше. Мать обернулась ко мне, строго глянула. Этот взгляд я помнил с детства, обычно после него следовала как минимум порка ремнём. Но, повзрослев, я уже мог противостоять этому взгляду. Правда, удавалось мне это не всегда. У мамы был сильный характер. И если ей что-то не нравилось, все получали от неё трёпки по первое число. Так коротко её характеризовали все, кто имел с ней хоть какое-то дело, будь это в магазине, или в какой-то конторе, или на заводе, где она трудилась

токарем, а потом крановщицей на мостовом кране в сборочном цехе. Там она была на коне, а точнее – на верху, и ей были видно с высоты крана все: и волынщики, и бракоделы, и халтурщики – короче, сверху доставалось всем по первое число. А что чувствовали мы, её дети, не говоря уже об отце. Но отец ещё как-то мог ей противостоять. А с нами просто так ничего не проходило.

Вот и в этот раз я с трудом выдержал её суровый взгляд.

– И что? Куда тебя несёт? Без тебя не разберутся? Припёрся за тысячу вёрст порядок наводить. Детей малых бросил, жену оставил. Обормот!

Ругнулась в сердцах мама, вылезая из курятника, держа в руках миску со свежими яйцами. Она медленно и осторожно ступала больными, отёкшими ногами по наспех изготовленным ступенькам. Всю жизнь она простояла на ногах за станком, за рычагами крана. Теперь мучилась от тяжёлых артритов в коленях когда-то красивых ног.

– Иди умойся, а потом поешь. Я сейчас яичницу пожарю.

– Мама! – взмолился я. – Мне идти надо, а не в чем, а там люди ждут.

– Если ты им нужен, подождут, – уже более мягким голосом, но без обиняков ответила мать. Помолчав, продолжила: – Давай полью. Не печалься, пока поешь, я поглажу и брюки, и рубашку. Я ещё ночью их постирала. Знала, что утром помчишься на войну. Алексей с тобой был? Жена его звонила ночью, как пришёл.

Я, удивлённый, утвердительно кивнул головой.

По спине и плечам полилась заботливо подогретая вода. Так, поливая, она продолжала то ли выпытывать

у меня последние новости, то ли свои новости рассказывать.

– Мы этой ночью не спали, готовили постам еду. Вчера была очередь нашей улицы. Все женщины пришли, даже бабки старые поднялись, хлеб пекли, плаинды. Вон и тебе принесла, с брынзой, картошкой, как ты любишь.

Я действительно любил эту национальную еду, а проще – тонкие жареные лепёшки, сложенные пополам, с начинкой внутри. Тем не менее мама продолжала невзначай выпытывать у меня новости. Хотя она их все знала, а некоторые узнавала раньше нас с братом.

– Надо же, удумали, к пушкам пробраться захотели. Ещё друзьями назывались, – и в порыве гнева вдруг выдала старую матерную прибаутку: – Я таких друзей за хобот – и в музей.

Я, не ожидая такой прыти от мамы, чуть не поперхнулся мильной водой. Но она, слегка шлёпнув меня ладонью по мокрой голове, как будто я в чём-то был виноват, сердито пробурчала:

– А ты не слухай меня, мойся лучше, три шею мочалкой. А то приехал из Москвы, а шея грязная. Что люди скажут?.. Нашли хоть следы диверсантов? Знаю, нашли. Паша, соседка, говорила.

– А откуда Паша-то знает? – удивился я. – Это ночью было.

– Откуда, откуда? От верблюда, – пробормотала тихо мама. Но уже дружелюбным голосом ответила: – Сестра её из Валя-Пержий приехала рано утром с обозом, привезли курей разделанных, с птицефабрики, мяса говяжьего. Их председатель распорядился двух бычков забить. Будут готовить еду для тираспольских добровольцев. Вот она и рассказала,

а ей сосед по дороге встретился, он возвращался с поста, говорил, что Зарий был с гостями из самой Москвы. С вами, значит.

Я в очередной раз удивился скорости распространения новостей, которой мог бы позавидовать любой телеграф.

– Ладно, вытирайся и иди ешь, яичница уже поспела. А я пойду джинсы твою поглажу и рубашку. А то попёрся бы чумазым воевать. Москвич! Только бы меня позорить! Алексей, небось, уже едет за тобой.

Действительно, я только успел доесть яичницу, как к воротам подъехала егерская машина. Я быстро напялил ещё тёплые – то ли от утюга, то ли от маминых тёплых рук – штаны. Обнял маму, погладил её седую голову. Она нежно прижалась к моей груди, прошептала:

– За Алексеем смотри. Он молодой ещё. Будьте осторожней, ты же старший, значит, опытней. Храни вас Господь, – и перекрестила меня. – Хорошо отец не видит, лежит себе на горé, меня не берёт к себе, – проговорила она горько и, отвернувшись, заплакала. Через минуту мы уехали.

Над холмами Буджакской степи, разгоняя серую дымку, поднималось осеннее солнышко, пусть не такое тёплое, но всё равно ласковое. Хотелось верить, что этим утром оно разгонит холодный туман не только в наших душах, но и в душах тех, кто стоял против нас. Непонятно одно: что толкает их на это беззаконие. Не хочется думать, что причиной этому было простое чувство наживы, лёгкого богатства, а любому богатству требуется чувство превосходства и неограниченной власти над другими себе подобными. А это уже не просто национализм, а что-то пограничное, быстро переходящее в шовинизм.

За такими невесёлыми думами я и не заметил, как мы подъехали к райисполкому, который из-за стремительно развивающейся оперативной ситуации превратился в штаб обороны. На фасаде к висевшим привычным флагам был добавлен национальный флаг Гагаузии. На голубом поле была изображена крупным планом голова волка, а по краю поля красовались небольшие изображения петуха. К моему стыду, от моего невежества я не понимал полного смысла этих изображений на флаге. Хотя в моей памяти теплилось кое-что на эту тему. В раннем детстве, когда я жил в доме у дедушки с бабушкой, мне рассказывали разные сказки и былины из далёких времён.

Одной из них была история о людях, которые жили давно-давно. Жизнь их была нелёгкой и голодной, и они, притесняемые недругами, вынуждены были уйти со своих насиженных мест в поисках лучшей доли. Они брели очень долго, у них кончилась провизия, на исходе была питьевая вода. Места, куда они забрели, были очень пустынные. На их пути уже очень давно не встречались колодцы, не было речек или хотя бы какого озера. Изнемогая, они забрели в глубокий овраг, на дне которого была хоть какая-то хилая растительность, которая, забрав почти все остатки находящейся на дне оврага живительной влаги, тоже сохла. Поняв, что и здесь им воды не найти, они в изнеможении упали на растрескавшуюся от зноя землю. Малые дети от смертельной жажды и обессиленные уже не могли больше плакать. Их матерям нечего им было дать. Их мужья уже ничем не могли им помочь. Сил ни у кого не было. Они понимали, им из этого оврага уже никогда не выбраться. Наступала смерть.

Но тут из кустов вышел к ним волк. Увидев обессиленных людей, он всё понял. Это был мудрый волк.

И он прекрасно знал, как туго приходится его стае, когда иссыкает еда и не хватает воды. Он поднял голову и громко завыл. Люди встrepенулись, глянули на волка. А тот отбежал, остановился и опять призывно завыл, как будто звал людей следовать за собой.

Люди, собрав последние силы, откликнулись на его зов. Кто-то шёл, шатаясь, кто не мог идти, полз, прижимая к себе истощённых детей. Потихоньку передвигаясь, они, помогая друг другу, неотступно следуя за волком, вдруг оказались у маленького родника, который слабенькими маленькими фонтанчиками выплёскивал из земли живительную влагу. Люди в изнеможении припали губами к спасительной влаге. Дав напиток детям, напившись сами, они стали искать глазами их спасителя, волка. Но его нигде не было. Сделав своё дело, он ушёл.

Зато люди веками помнят о нём и передают эту легенду из уст в уста. Вот и сейчас, я думаю, о нём вспомнили, и его изображение появилось на флаге. Хотя, скорей всего, существует не одна легенда о волке, и излагают её по-разному, но суть одна: волка в народе уважают, генетическая память о волке в народных преданиях существует крепко. Я её услышал от деда и запомнил такой.

Вот с изображением белого петуха на красном фоне у меня сложнее. Это тоже прочно сидит в тысячелетней генетической памяти всех народов тюркского происхождения. Но все легенды о петухе едины в одном: петух – птица сильная, благородная, отважная и бдительная. Петух – хранитель рода и вечный хранитель времени. А белый петух – это прежде всего чистота, чистота духа и помыслов, отвержение всего дьявольского. Белому петуху не надо чужого, но и своего он не отдаст. А красное поле – это красиво и

благородно, красное – это продолжение жизни. Пока в нас течёт красная кровь, мы творим, продолжаем род свой. Пока греет красно солнышко, в нас теплится энергия, мы живём. Петух всегда занимает самую верхнюю точку, когда хочет всем громко сообщить о начале нового дня. И где ему быть, как не на национальном флаге, рядом с волком, спасителем гагаузского народа.

Вот и сейчас, полюбовавшись новеньким, только что вывешенным флагом, мы с братом отправились в здание штаба. Внутри было довольно людно. Перед широкой лестницей сидел на стуле молодой человек в милицейской форме без знаков различия на погонах. На его коленях лежал автомат с отстёгнутым и спрятанным в чехол магазином, но с примкнутым штыком.

С одной стороны, вид вооружённого человека напрягал, с другой – успокаивал, всё-таки он придавал хоть какое-то чувство защищённости. Его безусое юношеское лицо было безучастным и не реагировало на происходящее активное движение вокруг него.

На днях, ещё до нашего с Жорой прибытия в Гагаузию смогла пробиться колонна добровольцев – рабочих заводов и фабрик из Тирасполя. Они, простые рабочие тираспольских, бендерских и рыбницких предприятий, узнав о восставших гагаузских районах юга Молдавии и нависшей над ними угрозе порабощения, решили не оставаться безучастными. Собрав добровольцев, снабдив их продовольствием, но не рискнув вооружить огнестрельным оружием, хотя на военных складах Приднестровья его было более чем достаточно, они всё же согласились взять с собой экстренно выведенный ранее из Кишинёва милицейский полк милиции. Он состоял из обычных

призывников, которые попали служить не в ряды Советской армии, а во внутренние войска, в порядке срочной службы по обыкновенному призыву. Но в массовых беспорядках, учинённых экстремистами, они и их командиры участвовать отказались, не дали разграбить оружейные склады, за что подверглись провокациям, оскорблениям и даже избиению, по существу, ещё совсем детей.

Тем не менее они удержались, на провокации не поддались. В результате под оскорбительные для них выкрики и хулиганские выходки они смогли под руководством своих командиров эвакуироваться сами и вывезти весь арсенал оружия. Именно завладеть арсеналом было главной целью экстремистов. Но им это не удалось, что вызвало глубокую злобу. Вот и вызвались безусые мальчишки, почувствовавшие на себе оскал фашиствующего национализма, взять на себя роль вооружённых миротворцев. Это значительно остудило пыл чересчур возбуждённых речами ораторов, подготовленных зарубежными инструкторами, пропитанных националистической заразой молодых волонтёров в их несправедном деле.

Осмотревшись, мы прошли в кабинет Николая Губогло. Сидя в углу, он внимательно слушал маленький настенный приёмник, называвшийся в народе просто – радиоточка. Из Комрата шла трансляция заседания Верховного Совета народных представителей Гагаузской Республики. Речь шла о результатах состоявшихся первых контактов между Комратом и Кишинёвом. Представители республиканских властей в результате хоть и не охотно, но дали согласие на проведение переговоров, но выдвинули ряд требований. Самым главным требованием было повсеместно погасить костры на дорогах, убрать посты, прибывших

волонтёров из Тирасполя вернуть обратно. Комрат выдвинул встречное требование – вернуть в Кишинёв волонтёров и вооружённых людей, прекратить провокации. Обе стороны, не имея достаточных полномочий, решили взять тайм-аут для согласования на местах и получения легитимных полномочий.

Я понял, мёртвая точка неопределённости сдвинулась. Но требовалось ещё много усилий по возвращению хоть какого-то доверия между сторонами. И ещё я понимал: реакционные силы, поддерживаемые закордонными режиссёрами, так просто от своих задуманных целей не отступят. Так хорошо задуманная и щедро оплаченная операция по выводу Молдавии из попавшей в тяжёлый политический кризис социалистического лагеря была сорвана сначала Тирасполем с его развитой промышленностью, а потом – до этого почти никому не известным восставшим гагаузским народом, вдруг громко практически на весь мир заявившим о себе.

– Ну что, Пётр, что скажешь? Ты, я вижу, наблюдаешь со стороны. Каковы твои видения? – проговорил в задумчивости Николай.

– Ну, Алексей, а твоё мнение о ситуации? Чем могут помочь твои охотники? Я, например, не знаю, как поступить.

Мы не успели собраться с мыслями, как вдруг открылась дверь и стремительно вошёл Жора, а за ним и Зарий. Поздоровавшись со всеми, Дмитрий, видимо, в глубокой задумчивости, проговорил:

– Да, ситуация меняется, но острота вопроса остаётся напряжённой. Что будем делать?

– Как что? Сдавать позиции нельзя, за нами люди. Надо стоять на своём до конца. Нам не простят малодушия, – проговорил в запальчивости Демирли.

– Мы не можем простить молдаванам агрессии. Надо стоять жёстко на своём. С этими людьми не может быть никакой договорённости. Раз начали, надо стоять до конца, – жёстко обозначил свою позицию Жора.

Выслушав, я, пытаясь смягчить его резкое суждение, проговорил:

– Пойми, здесь живут мирные люди, у них за спиной семьи, дети, жёны, другие близкие. Им не нужна война, это страшная беда. Нужно искать компромиссы. Наши семьи далеко. А у них все рядом. И им некуда деться. До войны доводить нельзя. Не горячись.

– Ты не понимаешь, если мы уступим, то потеряем всё. Надо стоять до конца. Нужно отделяться. Только так мы обретём свободу своему народу, – горячился в запальчивости Демирли.

– Ты хочешь решить за весь народ? Можешь взять ответственность на себя и за судьбу своего народа ответить. Нет, мы этого не можем делать, не имеем права. И полномочий у нас тоже нет. Эти люди здесь живут, и им решать. Мы можем быть только рядом, помогать им, поддерживать их, но не решать за них. Тем более провоцировать их на безрассудные поступки, – сдержанно проговорил я, пытаясь остудить запальчивость Жоры.

– Нет, ты не прав, нам нужно быть жёсткими, нам нужно вооружаться. Чтобы защитить себя, своих близких.

– Здесь живут люди, и талантливые люди. У них за плечами опыт предков. У них найдутся мудрые люди, и они смогут найти выход. Они сумели начать общение с противостоящими силами, значит, и дальше смогут найти решение и предложить мирный

выход из ситуации, – противостоял я горячим речам Демирли.

Тут в дверь постучались, вошёл мужчина. Осмотрев всех, он не очень уверенно обратился к Зарию:

– Дмитрий Дмитриевич! Тут люди пришли, они из украинской Георгиевки, спрашивают старшего. Хотят переговорить, предлагают свою помощь. К кому их отвести? Может, вы сами поговорите с ними?

Он оглядел нас, давая понять, что нам надо уйти. Мы понимающе встали, но Зарий жестом остановил нас.

– Через пару минуту я приглашу их, – проговорил Дима вошедшему.

Когда дверь закрылась, он тихо проговорил:

– Я знал, что они должны приехать. Будут предлагать вооружённую помощь и оружие. Но оно незаконное. Даже преступное. Принять от них помощь – значит вступить с ними в тесный контакт. Потом отступить не сможем, хватка у них крепкая. Отказаться – значит обидеть их. Нам сейчас не до внутренних конфликтов. Будем с ними обходительны. А с другой стороны, поверим политикам, костры погасим, посты снимем, проводим домой тираспольчан, и в случае проявления подлости мы окажемся беззащитными, и нам уже никто не поможет, в том числе и они. Просто не успеют. Гарантий нам никто не даст. Я прошу вас поприсутствовать, не горячиться, попробуем обойтись с ними тактично, но осторожно.

Его лицо напряглось, но он пытался быть хладнокровным. Встав, подошёл к двери, ещё раз взглянув на нас, открыл её и пригласил гостей войти. Вошедших было трое. Поздоровались со всеми уважительно, за руку. Мы внимательно разглядывали их лица, вглядывались им в глаза. Они тоже не стеснялись,

также рассматривали нас испытывающими долгими взглядами.

– Мы ехали сюда, думали, что тут вокруг будет нелюдимо. Улицы будут пусты, всё население, обозлённое, стоит с вилами и ружьями на баррикадах. А тут ничего, порядок, – заговорил один из них, вполне интеллигентного вида средних лет мужчина, видимо, пытаюсь разрядить напряжённость. В его голосе чувствовались нотки явной иронии. Присев на гостеприимно подставленный Николаем стул, продолжил всё с той же иронией в голосе: – Видим, что город живёт своей жизнью, по улицам ходят горожане, работают магазины, курсируют рейсовые автобусы, в них сидят красивые девушки, – и тут же, не сбавляя темпа, но уже вдруг посерьёзнев, перешёл к другой теме: – На самом деле мы знаем, что ситуация вокруг города непростая, и мы приехали сюда не на девушек глядеть, а поддержать наш народ. Мы не хотим оставаться в стороне и быть простыми наблюдателями. И хоть наше селение находится на территории Украины, мы всё равно единый народ, и вы встали за всех нас. И вы должны знать, что мы рядом. По вашему знаку мы будем все здесь. Вы только скажите, какая помощь вам нужна, – замолчав, он откинулся на спинку стула. Лицо его было пронизано серьёзной решимостью. Наступила тишина. Все находились в задумчивом размышлении.

– А какую помощь вы можете нам предложить? – спросил, видимо, находясь ещё в возбуждении от предыдущей дискуссии, Жора.

Один из гостей, довольно крупного телосложения, чернявый, с лицом, заросшим трёхдневной щетиной, но в недешёвом чёрном тулупе с воротником, с зажатой шапкой в руках, медленно встал, оглядел при-

сутствующих и, остановившись взглядом на Жоре, медленно заговорил:

– Мы простые люди, такие же, как и вы. Мы живём в разных республиках, вы в Молдове, мы в Украине, но мы один народ, мы – гагаузы, и нас не спрашивали, когда делили наш народ по живому. И ваша беда стала нашей общей бедой, и мы хотим быть рядом с вами. Скажите – и наш разделённый народ будет вместе. Мы все будем здесь, – он на миг замер, его глаза, сверкнув злобой, выражали глубокую неприязнь ко всему происходящему. Медленно обернулся и, глядя Жоре в глаза, понизив тон голоса, проговорил:

– Мы много чего можем предложить. Есть автоматы, пистолеты, гранатомёты и даже огнемёты, но их мы вам не дадим, уж очень опасные, только вместе с нашими людьми. Они обучены военными.

От услышанного у меня холодок неприятный появился в груди. Изменилось лицо и у Зария. Посерело как-то. Посуровели лица и у других.

Говоривший вдруг притих, приспустил с плеч тулуп. Видимо, и его в пот ударило. Он тихо присел на подставленный стул.

Я понимал одно: наступил самый неприятный кульминационный момент в происходящем. Или мы даём согласие и ввергаем народ в кровавое противостояние, чем рождаем беду и горе, потому что всё это переходит из гордого народного мирного противостояния в кровавую, жестокую своей бессмысленностью бойню народов. Но тут, скрипнув старым стулом, поднялся Дмитрий Дмитриевич. Одёрнув свою камуфлированную куртку, заговорил тихим сдержанным голосом:

– Я очень рад, что к нам приехали наши земляки с Украины, чтобы поддержать нас в самую трудную

минуту. Я от всего нашего народа благодарю вас. Это здорово. Спасибо за предложенную помощь. Мы теперь будем чувствовать себя уверенней, – он обернулся к гостям и слегка поклонился. Продолжил более строго, немного посуровевшим голосом: – Но мы не будем торопить и тем более нагнетать непростую, напряжённую, но всё-таки мирную обстановку. Наша сила состоит в том, что мы противостояем неуважению и беззаконию, проявленным к нашему народу, прежде всего мирными акциями. Если мы вдруг необдуманно и беспричинно возьмём оружие в наши натруженные руки, оно обязательно выстрелит. Нас не поймут и моментально сметут силами внутренних органов соблюдения правопорядка, да и армия будет не на нашей стороне. Поэтому на этом этапе мы вынуждены отказаться от открытого применения оружия.

Зарий помолчал, его лицо выражало глубокое напряжение, это же напряжение висело в воздухе. Оно было в каждом. Он огляделся по сторонам, ища графин, но тот был пуст. Облизнув сухие, растрескавшиеся губы, продолжил:

– Тем не менее я прошу уважаемых наших гостей не обижаться на нас и отнестись к тому, что я скажу, с пониманием. Оружие может пригодиться, только если над нашим народом нависнет полное беззаконие и наступит угроза кровавого беспредела. Но нас тогда не в чем будет упрекнуть, не мы будем первыми. Вы будете нашей последней надеждой. А пока мы справляемся мирными, но решительными акциями, и правда на нашей стороне. Будем надеяться на мирный, бескровный исход этого противостояния. Тем ценнее будет наша победа. И наши народы найдут общий язык и понимание. Смогут жить счастливо в совместном благородном труде, на одной земле живём.

Закончив, он вышел из-за стола, стал пожимать гостям руки.

– Прошу извинить нас, не можем пока угостить стаканчиком доброго вина, – шутливым тоном проговорил Дима. – У нас пока сухой закон, а вот к тому моменту, как закончится всё добром, надеюсь, поспеет новое вино, милости просим к нам отпраздновать радость.

Все повеселели, забалагурили, стали по одному выходить. Хотя на их лицах всё ещё читалась напряжённость.

Проводив гостей, мы вернулись в кабинет. Я сделал приёмник погромче. Шла прямая трансляция заседания народных представителей в Комрате, но, видимо, и там подустали, бурные выступления потухли, выступающие монотонными голосами что-то пытались навязать горячим головам, говорили о каких-то процедурах, о нарушениях регламента. Всё это становилось скучным и неинтересным.

Народные посланники перед заумными речами представителей номенклатуры, фактически являвшихся руководителями районных администраций, пасовали. Им не хватало политического опыта. Я понимал, что время стихийного выступления народа, его нужности в трудную отчаянную минуту прошло.

На сцену один за одним всё чаще выходили штатные, кем-то хорошо подготовленные ораторы, они заученными речами вводили в смущение неподготовленных народных посланников. Но всё же им в противовес были слышны их грамотные голоса, по тону и построению речи было понятно: они были, скорее всего, простыми школьными учителями, врачами, инженерами, агрономами. Но спорить с районной номенклатурой им было сложно. В зале шёл спор,

надо ли подчиниться главному требованию кишинёвских властей – загасить костры, отказаться от статуса республики и расформировать батальон «Буджак». Только потом Кишинёв согласен начать переговоры с народными представителями гагаузских районов. О признании итогов прошедших выборов пока речи не вели. Они их считали незаконными. Вся борьба была впереди.

К вечеру этого непростого дня произошло ещё одно никем не замеченное событие, значения которому я по своему небольшому жизненному опыту тогда не придавал. К тому моменту в Комрате было принято решение костры повсеместно погасить, заставы убрать. И я оказался в машине вместе с одним из руководителей городского исполкома. До этого я его нигде в полевых условиях не встречал и фамилии его не знал. Мы объезжали стратегические места, где костры были погашены, но дежурные были ещё на местах. Им были предоставлены автомобили с рациями. Ночи были уже холодными, а в кабине хоть какое-то, но укрытие. Опасались коварства. Настроения у противной стороны всё-таки были далеко не дружественные. Не могли они смириться с фактом, что обуздать, подчинить, унижить, поставить на место это быдло не удалось.

По пути он попросил завести его на железнодорожный вокзал, якобы проверить там обстановку. Надо сказать, что начальником станции был тесть моего брата. И у нас были дружеские с ним отношения. Я знал, что на весь город здесь был единственный действующий телефон, по которому можно было связаться с Кишинёвом и даже с Москвой, чем с успехом пользовались определённые службы. Узнав нас, Иван Николаевич, так звали начальника станции, при-

гласил всех в свой кабинет. Он был намного старше меня, опытней, и факт нашего родства не афишировал. Ну и я не стал проявлять родственных отношений. Хотя по глазам можно было понять, что он рад меня видеть здесь в это сложное время.

Поговорив о разном и ни о чём, исполкомовский чиновник вдруг спросил, можно ли ему связаться с Кишинёвом. На что шеф вокзала пожал плечами и спросил в ответ:

– Надо? Свяжемся.

Через минуту связь с Кишинёвом была установлена. Наш чиновник, оживившись, бодрым голосом приветствовал партнёра на той стороне:

– Добрый вечер, Иван Иванович, вас приветствует мирная Чадыр-Лунга. У нашего народа нет претензий к молдавскому народу, дерутся правители за власть. А народу нужно кушать. Продукция нашего мясокомбината нужна детям в детских садах, больным в больницах и просто народу. Гагаузский народ, выражая наше доброе отношение к молдавскому народу, может отправить рефрижераторный вагон с деликатесной колбасной продукцией высшего сорта. Если вы готовы принять, мы с удовольствием отправим... Иван Иванович! Я рад Вашему оптимизму, торговать всегда лучше, чем воевать. Сделаем первый дружественный шаг друг к другу.

Поговорив, наш чиновник, находясь в приподнятом состоянии, благодарно обнял тщедушную фигурку начальника станции. Через пару минут мы, довольные, отправились далее. Я по наивности решил поёрничать над исполкомовским чиновником.

– Вообще-то простой гагаузский народ тоже с удовольствием поел бы деликатесов нашего мясокомбината. Но что-то я не видел их на прилавках наших

магазинов, да и больные люди у нас в больнице колбаску навряд ли едят.

Какой уничтожающий, презрительный взгляд в свою сторону я получил, до сих пор мурашки по спине бегают. Остальной народ в салоне машины безмолвствовал.

Только через несколько лет меня, наивного, просветил мой родственник. Уже находясь на пенсии, он рассказал, что на самом деле был отправлен не один рефрижератор. Вся продукция была списана как испортившаяся в связи с блокадой. Правду народ говорит: кому война, а кому мать родна.

И ещё одно событие, которое произошло незамеченным для широкого круга людей. В действительности передвижной отряд реакционеров, а точнее – диверсантов на автобусах, никуда не пропал. Они на самом деле смогли преодолеть устроенные им организованные препятствия. Обогнув по украинской территории село Валя-Пержий, они приблизились достаточно близко к ракетным шахтам. Спрятавшись в небольшом живописном овражистом лесочке между селом и озером, называемом в народе «Алиманжик», они выставили наблюдение. Ждали удобного момента для нападения.

Но не дремала войсковая разведка группы шатлинских войск. Они, не обнаруживая себя, пристально следили за передвижением отряда молдавских реакционеров. Разгадав их замысел, военные искали вариант, как предотвратить без крови и лишнего шума негативный замысел реакционеров.

В этой зоне таился небольшой замаскированный взвод десантников с БМП, который находился в небольшом здании пустующего аэропорта, между дислокацией молдавских волонтеров и базой проти-

вогравой службы. И вот решение пришло само. Получив сигнал разведки о выдвижении диверсантов в сторону их цели, они решили устроить учения. В колхозный сад перед самым носом реакционеров, притворившись, что они не знают о них, вдруг въехала боевая машина пехоты, из неё на полном ходу высыпали десантники в камуфляже. Они с ходу залегли, стали окапываться. Потом вскочили, пошли в атаку, громко крича «ура!». Вступили в рукопашный бой с воображаемым противником. Опять погрузились в БМП. Отъехали. Потом всё повторили сначала. Потом ещё и ещё. Устав, никуда не ушли, расположились на отдых, выставив предварительно постовых, которые пристально стали разглядывать в бинокли округу.

Нервы молдавских реакционеров не выдержали. Они поняли, что до цели им незамеченными добаться не удастся, тем более что у них практически закончилась провизия и они здорово измотались, находясь практически четвёртые сутки на колёсах, и им нигде не было оказано достойного приёма. Решили ретироваться подобру-поздорову. Вступление в боевой контакт с регулярной армией в их планы не входило.

Таким образом (или примерно таким, всего мы знать не могли) удалось избежать грубых провокаций и неизбежного в таких случаях кровопролития и гибели мирного населения. В этом была большая заслуга Дмитрия Зария, тех, кто был рядом с ним, помогал ему, и великая заслуга народа, доверившего ему свои жизни.

Он не подвёл их, не подвели ли они его? Вопрос! Я думаю, что всё ещё впереди.

ЭПИЛОГ

Прошло немного времени, закончился бесславный, Па по сути, позорный поход одурманенных реакционерами волонтёров. Но закончилось ли великое противостояние гагаузов оголтелому национализму? Продолжаются политические споры, иногда устраивались грязные провокации. В предотвращении одной из них героически погиб один из друзей моего брата, мой хороший знакомый Гриша Сыртмач. Мне так и не удалось установить точную хронологию случившейся трагедии. Я услышал как минимум три разные версии случившегося. Неизменно одно: Гриша мужественно исполнил свой долг до конца. Провокаторы, а точнее – засланные диверсанты, получили как минимум три задания, все чёрные по своему замыслу. Они не были новыми по смыслу, всё те же: устройство взрыва на нефтебазе или на складе ракет противогравой службы. Но были и неожиданные, но не менее грязные по замыслу: устроить гражданские кровавые инциденты между болгарами и гагаузами или устранить одного из местных политических руководителей, пользующегося авторитетом у гагаузского населения, дабы доказать общественности, что у гагаузов есть внутренние жёсткие противоречия, и этим показать необходимость воспрепятствовать принятию мирных политических решений.

Их остановил простой старшина милиции. По одной из версий, которая мне кажется наиболее правдоподобной, он остановил на въезде в город автомашину «Волгу» с незнакомыми ему номерами. Проверил документы. Ему был предъявлен путевой лист, где было указано место назначения, упомянутое мной выше болгарское село Валя-Пержий. Гриша не стал их задерживать, разрешил им следовать по указанному в путевом листе маршруту.

Но те не смогли попасть на территорию села. Надо сказать, что в то время стали активно распространяться слухи о претензиях гагаузов на землю болгар. Но у них имелись умные трезвые головы, и они понимали, что могут возникнуть провокации. А возможно, что это работали местные службы государственной безопасности. Мне кажется, что эти служивые люди, находясь среди народа, правильно понимали чаяния народа, проявили себя в этих событиях наиболее достойно, вместе с местными органами внутренних дел помогали народу. Они своими незаметными для общественности действиями предотвратили немало бед. К сожалению, в высших кругах такие же служивые люди служили уже не простым людям, а прислуживали идеям радикально настроенных сил.

В село пассажиры «Волги» не попали, их просто не пустили выставленные болгарами заслоны. Они каким-то образом почувствовали неладное, а может, их просто предупредили. Тогда машина развернулась и попыталась найти место расположения противоградодового дивизиона. Но и здесь им не удалось добиться успеха. После чего они направились на одну из улиц города, где жил со своей семьёй один из уважаемых людей, народный депутат Верховного Совета Советского Союза.

Но и здесь их постигла неудача, так уж сложилось, что рядом с этой улицей жил Гриша. Он как раз решил заехать домой поужинать, но случайно увидел уже знакомую ему «Волгу», чему он неприятно удивился, ведь её конечной целью было болгарское село. Сообщив на всякий случай дежурному о странной «Волге», он решил ещё раз проверить документы. Но «Волга» на знаки постового не среагировала, спокойно продолжила движение. Раздосадованный старшина профессионально глянул на задние номера и обомлел: они явно отличались от передних. Взволнованный, он хриплым голосом сообщил о случившемся дежурному. Там посоветовались и запретили вступать в контакт самостоятельно. Просили не проявлять беспокойства, дабы не обнаружить себя, и потихоньку проследить за маршрутом странной «Волги». Старшина, стараясь быть спокойным, завёл мотоцикл, тихонько тронулся вслед.

Вечер был в разгаре, лучи майского солнца, отражаясь от высоких недавно ещё белых облаков, роняли на уставшую за день землю романтические розовые сполохи. Солнце почти спряталось за горизонт. Но старшина не замечал всей этой высокой торжественной красоты. Увидев приближающуюся патрульную машину полиции, он подал им знак, широко махнув рукой. Прибавив скорость, уже уверенный и спокойный, он стал догонять «Волгу», к тому моменту свернувшую на улицу Ивана Крылова.

По разбитой, в рытвинах, дороге предназначенная для города «Волга» не могла передвигаться быстро. Поэтому догнать её труда на стоило. Через некоторое время, перегнав её, он остановился, перегородив ей дорогу. По его требованию ему опять предъявили путевой лист. Гриша, взяв документ, поднёс его ближе

к свету фар, чем допустил непоправимую ошибку, оказавшись перед автомобилем. Обнаружив, что ему предъявили другой документ, где был указан совершенно другой маршрут, он всё понял и попытался достать табельное оружие. Это увидели и пассажиры машины. Резко стартовав, они сбили Гришу с ног, развернулись и, переехав через лежащего милиционера ещё раз, они скрылись с места происшествия. Но дежурный по отделению милиции поднял тревогу, все дороги к тому моменту уже перекрыли.

«Волгу» блокировали при подъезде к нефтебазе. В багажнике нашли разное оружие, в том числе и гранатомёт. К тому моменту уже стало известно о гибели Григория. Пассажирам автомобиля здорово досталось, но их не убили. После дотошного следственного оформления, когда все доказательства преступных действий были собраны, их по требованию властей выдали прокурорам республики.

Геройская гибель Григория положила конец грязным провокациям националистов и, наоборот, ускорила принятие мирных решений в политических вопросах. Были найдены компромиссы с обеих сторон. В результате гагаузы получили мировое признание, через пять лет добились автономии. Их земля получила название Гагауз Ери, что означает – Земля гагаузов. Что стало с убийцами Гриши, мне точно неизвестно. Слухи были разные, но официальных не поступало. Одну из улиц города называли в честь подвига милиционера Григория Сыртмача его именем.

Прошло ещё несколько лет. За это время произошло много изменений. Отчасти по незнанию, отчасти по малодушию и нечистоплотности руководителей разных рангов, отчасти из-за дипломатических и юридических ухищрений было совершено много

ошибок. Народ, отчаявшись дожидаться когда-либо жизненных улучшений, потянулся искать лучшей доли в чужие края, познав горькое, хорошо забытое слово «гастарбайтер».

Однажды, находясь в отпуске на родной земле, я оказался на краю города, около красивого колодца, расположенного рядом с шоссе. Напившись холодной колодезной воды, мы с товарищем закурили. Тут мимо нас проехал рыбак. Он гордо восседал на стареньком, выдавшем виды, но ухоженном мотоцикле. В углу его рта была зажата папироса. Поперёк спины были закреплены удочки в чехлах. Его лицо с пышными рыжими усами мне показалось знакомым.

– Кто это? – обратился я к другу. – Что-то мне кажется, что этот человек мне знаком.

– Да это один мужик, Дима Зарий. Когда-то во время великого противостояния был героем. Потом его обвинили в связях с бандитами. Точно этой истории не знаю. Слышал, что он не в милости у начальства. Работал слесарем на заводе. Сейчас с работой плохо, завод продали, а людей уволили. Рыбачит.

Я долго размышлял, мучился от острой нехватки литературного и исторического правдивого материала, от своего бездействия. Но через пятнадцать лет собрался с силами и изложил как мог о том, что видел, о событиях, в которых вольно или невольно был участником или свидетелем.

Понимал одно: наш командир, талантливый и смелый организатор обороны города, перенёс впоследствии тяжёлую психологическую травму. В своём роде грубое предательство. Он до сих пор не оправился от потрясений. Однажды к нему обратился один из жителей города, пожаловался на несправедливость, допущенную к нему работниками милиции. Зарий

решил воспользоваться своим авторитетом и помочь исправить несправедливость. Но не тут-то было. Ему вдруг показали составленный одним из тайных осведомителей письменный донос на него, в котором описывалась встреча с представителями организованной преступности на Украине, где негативно указывалась роль Зария. Видимо, достаточно сильно унизили его, тем самым указав ему своё место. Так или примерно так ему отомстили тогдашние номенклатурные руководители за его высокий подвиг гражданина, за беспрецедентное уважение к нему людей.

Зарий не стал сопротивляться этой оскалившейся на него власти. Он мог бы восстать, собрать вокруг себя людей, воспрепятствовать несправедливости. Он не был политиком, оратором, горячим трибуном. У него было большое доверие народа. Но не было в душе озлобленности. Он, по сути, не мог быть интриганом. Он был героем, как и доверившиеся ему простые люди.

По истечении тридцати лет после известных событий народ гордится тем, что это единственное противостояние народов того времени закончилось практически бескровно. По случаю юбилея событий того времени были изготовлены памятные почётные знаки для активных участников. И хотя было много противников, почётный знак Зарию всё-таки был вручён. Хотя какая-то справедливость была восстановлена, чему я очень рад.

Народ сейчас навряд ли вспомнит тогдашних руководителей, а подвиг Зария Дмитрия Дмитриевича, несмотря на все усилия по его принижению, помнит. Теперь при случайных встречах я снимаю шляпу перед ним, но не подхожу.

Наверное, тоже предаю. Хотя нет, никогда.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАСЛОН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меня спросили как-то: на какую тему пишете теперь?

Что я мог ответить? Уж очень непростая, по сути, тема. И слово «пишу» не отвечает тому, что происходило со мной в то время. Уж очень тонкая и непростая тема мучила меня, словно вскрытый обнажённый нерв, а на самом деле незалеченная болезненная рана в душе моего народа терзала меня не один год.

Да, я пишу. Пишу на тему большого горя по поводу потери маленького человека, но...

Но! Великое дело сотворил этот человек. И огромная несправедливость сложилась вокруг него, вокруг памяти о нём. Вот уже тридцать лет пролетело с момента его подвига. И тем не менее вопрос остаётся нерешённым.

Более двухсот лет на юге Молдавии, по современным прихотям и националистическим прихотям теперь уже Молдовы, живут люди разных народностей, это болгары, гагаузы, молдаване, украинцы, цыгане, русские, сербы, арнауты (или по-современному – албанцы), евреи, немцы. Все они разместились на землях Бессарабии, освобождённых от османского владычества более двухсот лет назад Русской армией под руководством великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова.

Да-да, более двухсот лет прошло после размещения колоний разных горемычных народов, прибывших из гористых Балкан и разместившихся по согласию Великой России на освобождённых ими степных землях Бессарабии.

Все эти народы жили дружно. Как правило, занимались сельским хозяйством, скотоводством, виноделием. Торговали, выменивали свои товары на изделия, изготовленные уездными ремесленниками и городскими мануфактурами. Если и случались какие-либо недоразумения, вспышки общественного гнева, то обычно виновником была молодёжь, не могли мирно поделить невест... Бились серьёзно гора на гору, малия на малию, а понятнее – один район родового размещения на какой-либо другой район или склон горы. Места-то сплошь холмистые.

Но в итоге – какие свадьбы играли знаменитые. Какие караваны проплывали впоследствии среди нарядно выкрашенных мазанок, мимо роскошных садов и приусадебных виноградников, хвастаясь богатым приданым молодых, заработанным их родителями в трудах, а главное – завоёванным счастьем, обоюдной любовью молодожёнов, оглашая округу ритмичным грохотом барабанов и заливыстыми мелодиями медных труб, скрипок, гармоней и другими фанфарами.

Конечно, бывали и другие местнические разборки, иногда кровавые, по поводу разбирательств непонятно кем собранного урожая и вдруг пропавшего ночью в неизвестном направлении. И горе тому, и не только ему, а и всему роду, если их вина воровства была доказана.

Пролетали года, менялись правители, менялась политическая ситуация. И каждая новая политическая власть старалась силой принудить это полуграмот-

ное, но трудолюбивое население к слепому подчинению. А проще говоря, просто бесстыдно обирали этих людей. И совершенно не заботились развитием цивилизации в этом краю, где практически отсутствовали школы, медицинские учреждения. Как говорил мой отец: «У меня, сынок, было всего два класса образования, один – гагаузский, другой – румынский, и то больше я учился на церковном огороде или на огороде румынского примаря».

И вот по прошествии нескольких десятков лет народу, познавшему прелести социалистического строя, с обязательным образованием для всех детей (да и взрослых – по желанию), где предоставлялось бесплатное государственное медицинское обслуживание, возможности по развитию искусств, получению других благ развитого общества, – вдруг достается полное бесправие, унижение, лишение всех прав свободного общества, ограничение в праве проживания на этой земле, отвоёванной двести лет назад великим русским полководцем Михаилом Голенищевым-Кутузовым у Турецкой империи.

Много вод сошло с тех давних пор. Менялись времена, менялись власти. Тяжёлыми политическими катками прошли по этим землям и людям, живущим на них. Всё выдержали, всё пережили. Но покоя народам, живущим великим трудом на этих ставших «вдруг» плодородными землях, не настало. Наоборот, прозвучали обидные слова – «некоренные», «переселенцы». В воздухе запахло чёрной гнилью. Народ мигом поднялся, почувствовав неладное. Сплотившись, выступили единым фронтом. Да так, что посягатели убрались восвояси, злобно скрипя зубами.

И вдруг опять, по истечении нескольких лет относительного покоя, грянула на эти земли беда. И эта

беда стала моей тяжёлой темой. Темой большого горя. Темой потери славного человека, который вдруг стал непреодолимой силой на пути чёрного замысла против целого народа.

Великое дело сотворил этот человек, но в то же время огромная несправедливость сложилась вокруг него и на протяжении тридцати лет торжествует над подвигом этого человека – старшины полиции Георгия Сыртмача. Эта беда стала большой темой для меня и моих друзей, сподвигших меня на эту тяжёлую работу ради торжества правды.

1

НЕПОКОРЁННЫЕ

Шёл дивный месяц май. Прекрасное время ожиданий. Ожиданий нового, прекрасного, радостного и в то же время такого простого, которое уже было не один десяток раз. Уже отцвели тюльпаны, заканчивала благоухать сирень. Давно слетели белые цветочки с роскошных черешневых деревьев и вишен, доцветали абрикосовые деревья, но набирали силу плодовые цветочки размашистых ветвей дикой абрикосы, а у местных гагаузов эти деревья назывались жердели. Вместе с шелковицей они, известные и знаменитые ещё с библейских времён как тутовые деревья, грозились дать очередной обильный урожай. Эти древние и неприхотливые деревья каждый божий год старались удивить своим изобилием, и когда-то им действительно были рады люди, особенно дети. Их ели, сушили, готовили повидло, из них делали сладкую брагу и гнали крепкий самогон. Но теперь всё чаще и чаще они, не нужные пресытившимся, а может, просто очень занятым своими делами людям, тихо роняли свои плоды на тёплую плодородную буджакскую землю, становясь последней радостью осам и трудолюбивым пчёлам.

К тому же детского смеха и визга год от года становилось всё меньше и меньше. Природа каждую весну многообещающе ликовала, призывала людей

не унывать, не теряться в ежедневной суете, манила, призывала к жизни, труду, а люди почему-то становились всё сумрачней, лица их серели, в глазах читалась грусть вперемешку со страхом.

И им было от чего грустить, на политических горизонтах всё сумрачней сгущались серые тучи. То и дело дули холодные до озноба ветра непонятных перемен. Труд простых людей становился всё менее востребованным и плохо оплачивался. Вдруг стали рваться межгосударственные и отраслевые связи. Продукция предприятий – как промышленных, так и сельскохозяйственных – вдруг стала никому не нужна.

Появились какие-то баламуты, стали вести непонятные речи, призывать людей к сомнительным и оттого ещё более непонятным делам. Весь этот тупизм кончался одним – прекращением основной деятельности предприятий, массовой потерей людьми работы и в результате полным обнищанием простого народа.

Было отчего сереть лицам. И как ни старалась природа вернуть людей к прежней жизни, ублажить их обильными урожаями, своей красотой, мудростью, люди скучнели и потихоньку собирали свои пожитки и всё чаще отправлялись искать лучшую долю в чужих краях. Не до жерделей им было и не до божественно сладкой шелковицы. Не до появления новых детей стало им, а прокормить бы имеющихся.

Примерно так и примерно об этом размышлял Григорий, находясь на посту. Сегодня ему в выходной день выпало по разнарядке нести дежурство у городского дома культуры, где проходило молодёжное мероприятие, а попросту – дискотека.

Ещё совсем недавно он был таким же юным, безусым мальчишкой, как эти беззаботные, мимо про-

бегающие, а некоторые – наоборот, напыщенные, степенно шагающие мимо парни. Он родился в этом городе, учился в школе. Трудился летом в колхозе, выполняя нехитрую работу. Помогал родителям. Много читал, много мечтал, задумывался над своим будущим. Очень хотел быть полезным людям. Вырос, отслужил в армии. По окончании службы, вернувшись домой, поступил служить в милицию, а точнее – стал автоинспектором. Уж очень он любил автомобили, даже мечтал стать автогонщиком. Использовал любой момент, любой случай поехать за рулём. Особенно любил, когда друзья просили помочь перегнать машину, купленную где-то в другом краю. Он с удовольствием соглашался, сутками сидел за рулём новеньких, а иногда потрёпанных «Жигулей», не доверяя руль новоиспечённым водителям. Лучше сам, так надёжней. Купить собственный автомобиль было сложно, просить у родителей помочь – стыдно, не маленький. Вот и подался в автоинспекцию, тут и оружие, и дисциплина, а главное – служебная машина с проблесковым маячком, с сиреной. Правда, выезжать на дежурство чаще приходилось на милицейском мотоцикле с коляской, но оборудованном радиостанцией, проблесковым маячком. Всё по-взрослому. К тому же зарплата пусть и средненькая, зато форма бесплатная и статная. Были и другие возможности.

Всё бы было хорошо, но нагрянули перемены, запыхал политический пожар. Вдруг стало всё сложно, напряжённо. Дерзко поднимал голову криминал. К тому же зарплату перестали выплачивать вовремя. Месяцами не получали. А у него семья, жена, сын, пожилые родители. Перестали выдавать талоны на бензин. Приходилось выкручиваться самому.

Старшина полиции Григорий Сыртмач похаживал вдоль вверенного ему участка центральной городской улицы. Мимо проезжали редкие в это время дня машины. Рация молчала, значит, в городе всё спокойно. Вечерело.

Машинально, скорее по привычке вскинул руку, глянул на часы. До ужина оставалось пару часов. Он знал это и без часов, вся его жизнь была размеренна. Всё имело определённый порядок, а вернее – распорядок. Он знал, что будет делать через час, чем будет заниматься завтра и даже послезавтра. Но скорее он так думал, он привык так думать, что всему он хозяин. На самом деле он не знал главного: часы безжалостно отсчитывали последние минуты, секунды его жизни на этой благоухающей земле. Не знали этого пробегающие мимо него очаровательные девчущки, не могли знать и пацаны, наблюдавшие за ними исподволь и с замиранием сердца, мечтательно любовались их розовыми щёчками, они не могли подумать, что этот молодой старшина через короткое время окончит свою жизнь, спасая их всех, живущих в этом городе, от нависшей над ними смертельной опасности. Они в это время, увлечённые, даже не замечали находившегося рядом с ними человека в форме.

Никто из жителей не мог предположить, даже подумать, какая беда нависла над этим южным мирным городом, какую жестокую смерть для них замыслили чёрные, враждебные, воистину дьявольские силы. Однажды они уже пытались, отработывая полученные чёрные деньги, приструнить, а точнее – поработить этот гордый народ, ввергнуть его в хаос. Они так и не смогли пережить тот позор, когда безоружные жители этого городка и близлежащих сёл вдруг объединились, устроили грозное бесстрашное

противостояние, не впустили их на свою территорию примерно год назад, не дав им установить свои порядки. Они ничего не забыли, затаили злобу и, как только на политическом склоне опять появились закордонные демоны с чёрными замыслами и грязными деньгами, выполняя команду, рьяно ринулись исправить свои ошибки, пользуясь установившейся ложной тишиной.

Но они опять не учли одного – мужества тех, кому люди доверили свой покой и безопасность. Они не учли, что в этот роковой воскресный вечер на службу заступили старшина полиции Григорий Сыртмач и его товарищи по службе, которые, почти безоружные, стали последним, но очень надёжным заслоном для этого народа.

Было тихо и спокойно. Слышалась ритмичная музыка, по одному в окнах горожан зажигался свет. На улицах тоже кое-где зажглись фонари, но дом культуры являлся центром города, и свет в уличных фонарях включался здесь вовремя и горел исправно.

Мимо размеренно, ничем не привлекая к себе внимание, проехала чёрная «Волга». Григорий, скорей в силу привычки и профессионализма, автоматически прочитал номера. В голове молнией пронеслось: «Не местная!» Следом глаза вцепились в задние номера «Волги». Спина Гриши похолодела: задние номера явно отличались от передних. Он вскинул руку с зажатым жезлом, стал махать, требуя остановиться. Что есть силы дунул в свисток, но «Волга», словно не замечая команд постового, уехала.

Проводив взглядом странную «Волгу», он, всегда спокойный и неторопливый, кинулся к рации в своём милицейском мотоцикле. Стараясь сохранить спокойствие, стал вызывать дежурного. Ответили не сразу.

Гриша сообщил свой позывной номер, объяснил ситуацию. В ответ – тишина. Раздосадованный старшина стал вызывать дежурку повторно.

И тут дежурный отозвался. Встревоженным, но уверенным голосом не приказал, скорее – попросил, по возможности проследить за их передвижением, но себя не обнаруживать, ждать опергруппу. Дежурному уже поступила ориентировка на подозрительную «Волгу», выехавшую в сторону нашего города из соседнего района.

Вечерело, у медленно удаляющейся «Волги» зажглись задние габаритные огни. По ним старшина определил, что чужаки, проехав улицу Карла Маркса, на которой проживали пострадавшие накануне семьи уважаемых людей, подъезжали к повороту на улицу Крылова.

В этот момент на другой стороне улицы появился человек в полицейской форме, это был Савелий, сотрудник из отделения патрульно-постовой службы. Гриша знал его, хотя они были из разных ведомств. Стараясь не привлекать к себе внимания, он подал знак, прося подойти к нему. Тот спокойно пересёк улицу, подошёл к постовому, поздоровался. Они тихо переговорили. Гриша без лишних эмоций предупредил Савелия о разъезжающей по городу подозрительной «Волге», просил его быть осторожной. Они так же тихо, без суеты разошлись.

На самом деле Савелий по заданию начальника полиции шёл на пост у дома Михаила Константиновича Пашалы, известного всему городу, заслуженного человека, много лет проработавшего председателем местного колхоза, орденоносца, а ныне депутата Верховного Совета Советского Союза. И пост установили у его дома не случайно. Буквально за трое суток до

этого неизвестные злоумышленники бросили во двор его дома две гранаты. Одна из них взорвалась, разворотив крыльцо и выбив взрывной волной оконные стекла стоявшего рядом дома его сына, тоже известного и уважаемого в городе и республике человека.

Взрыв гранаты привёл в гнетущее состояние домочадцев, особенно негативно отразилось на здоровье женщин – жены и матери.

Вот Савелий и спешил занять доверенный ему пост. Тем более что вторая граната не сработала. Она была, на языке юристов, опасным вещдоком¹ не только для окружающих, но и для злоумышленников, так как являлась самоделькой, создана подпольно, кустарным способом. Вот уже третьи сутки ждали сапёра из Кишинёва. Но скорее надеялись и ждали, что за ней придут злоумышленники. Им тоже вещдок в руках полиции ни к чему.

Григорий, конечно же, знал об этом, всё понимал, но выполнял порученную ему работу. Проводив взглядом Савелия, опытного, серьёзного, не раз доказавшего своё профессиональное мастерство сотрудника, он развернулся и спокойным шагом направился назад, к своему посту.

Из окон дома культуры загремела довольно грубая, но ритмичная музыка, слышались звонкие возгласы, это молодёжь отрывалась под дикие рыки тяжёлого металла, нового веяния, а точнее – направления, так называемого смертельного металла американской группы Death, впоследствии ставшей культовой.

Гриша невольно поморщился. Ещё молодой, полный сил и задора, он не мог спокойно воспринимать

эти нечеловеческие, дикие звуки. Неожиданно подумал о сыне: «Неужели ему тоже будет нравиться нечто подобное? Сейчас он мал, ничего не смыслит и пока больше слушает по вечерам мамино пение. Но эти ребята недавно тоже были маленькими, читали сказки, пели детские песенки, которым их учили сначала в детском саду, потом в школе, да и дома тоже пели спокойные мелодичные песни. Когда же они успели переродиться?» Примерно так размышлял Григорий, но его мысли прервал подъехавший милицейский уазик.

Из машины вышел начальник штаба районной полиции Николай Греков. Григорий Сыртмач отдал честь, хотел доложиться, но майор остановил его, коротко спросил:

– Куда они поехали? Не заметил, сколько их в машине?

Григорий только успел махнуть рукой, указывая в конец улицы, как начштаба буквально влетел в машину, на ходу указывая постовому занять в ней заднее место. Рослый полицейский не успел закрыть дверь, как машина резко рванула с места.

¹ Вещественное доказательство.

2

ТРЕВОГА

Тем временем весь милицейский состав районного отделения полиции, поднятый по тревоге, собрался у здания РОВД. Встревоженные люди делились друг с другом новостями. В их глазах читалась тревога и глубокая озабоченность. Накануне приказом по министерству из отделения вывезли почти всё автоматическое оружие. Мало того, к табельному оружию оставили только по одной обойме патронов вместо положенных по регламенту двух.

В случае какого-нибудь вооружённого проявления террора полиция оставалась практически разоруженной. Они так и говорили: после разоружения мы беспомощны.

Тем не менее личный состав прибыл в полном составе. Начальников отделов собрали в кабинете начальника. Полковник Дмитриев сидел за рабочим столом, говорил с кем-то из Кишинёва. По его сумрачному виду можно было понять, что на той стороне провода были явно недовольны поднятой им тревогой. Видимо, обвиняли в паникёрстве, требовали распустить личный состав по квартирам. Штабные тем не менее вручили каждому предписание с указаниями о месте несения патрульной службы, были розданы и ориентировки на чужую «Волгу». Виктор Алексеевич встал из-за стола. Все замерли. Полков-

ник одёрнул китель, лицо его необычно потемнело. Как говорят в народе, был лицом чернее тучи. У всех присутствующих мелькнула мысль: «Сейчас распустит всех».

Но шеф (так, кстати, на молдавском языке звучало слово «начальник») медленно оглядел всех и разрешающе кивнул начальнику штаба. Инструктаж был конкретным и быстрым. Из резерва выдали остатки талонов на горючее для патрульных машин. Через какие-то минуты площадь перед зданием полиции опустела. Остались только дежурные и одинокий постовой перед входом, вооружённый автоматом с одним рожком.

Отправилась в свою зону и группа, в состав которой вошли начальник уголовного розыска – майор Дмитрий Арабаджа, следователь – капитан полиции Игорь Калинин, за рулём был майор из экономической полиции Георгий Дмитриевич Ламбов, и представитель дорожной полиции – старшина Боря Терзинов. А зоной их патрулирования был район железнодорожной станции. Надо сказать, эта часть города всегда была под пристальным вниманием полиции. Этот обширный район города варился в собственном соку. Находился вроде бы и рядом, но почему-то считался удалённым местом. Так и говорили в обиходе: «на станции; на вокзале» – значит, далеко, у чёрта на куличках. Там располагались винзавод, хлебозавод, нефтебаза, угольный двор и, конечно же, грузовые перроны, винные рампы, то есть перрон, где заливали железнодорожные цистерны вином. В этом же районе находился комбинат хлебопродуктов, а по-простому – элеватор, самый крупный на всём юге Молдавии и Одесской области Украины то же, вернее – её западной части. Понятно, что в этот район

стекались все жулики тоже. Разжиться ли бензинчиком либо лишней канистрой отборного вина, или каким-то образом стащить пультман зерна, или же, наоборот, всучить кому-либо вагончик негодного товара, например запаренного или вовсе гнилого зерна.

Интересов на разные пожелания было много. Тем более что по другую сторону железнодорожной станции находились кирпичные старые корпуса мясокомбината, с жилым районом современных пятиэтажек и, не для всех посвящённых, большими запасами аммиака в цистернах для промышленных холодильников комбината.

А какие замечательные колбасы там выпускались! На прилавках их встретить было невозможно. Только из глубоких подполов и за немалые деньги. Практически вся продукция была востребована государством как особенно ценный продукт. Впрочем, это было, но когда-то. А сейчас всё опустело, лишь слабые намёки на жизнь давал элеватор да иногда заливали редкие цистерны вином. Всё неумолимо приходило в упадок. Днём было тихо, не слышались шумы проходящих поездов. По ночам горели редкие фонари, вокруг стояла кромешная темень. Шел 1992 год, год заката всеобщей экономики и пробуждения всеобщих политических перемен.

Старенький милицейский «Москвич» медленно ехал по тёмной привокзальной улице, освещая подслеповатым светом разбитый асфальт дороги. Проехав до конца, свернули налево, поехали в сторону топливного склада, где когда-то днём и ночью толпились машины, трактора с прицепами, здесь по нарядам исполкома когда-то раздавали народу уголь. А теперь ни угля, ни людей, ни тракторов. Только у

обочины стояла без огней и других признаков жизни старенькая «буханка», так называли в народе машину скорой помощи.

– Давай остановимся проверим, кто такие? – произнёс устало Дмитрий Васильевич.

– Да ну их, это водитель с женщиной, наверное, тихо отдыхают. Четыре часа утра. А тут мы как черти ночные. И им неудобно, и нам не с руки, неприятно будет всем. А если и есть там кто, то положат нас троих как букашек, мы со своими пукалками и моргнуть не успеем, – произнёс Боря Терзинов, он опытный вояка, афганец. На своём ещё небольшом жизненном пути навидался всякого. Его слово всегда было веским. И сейчас оно сыграло свою роль, Арабаджи спорить не стал, согласился. А чего судьбу испытывать лишней раз. Нарыв, он и так вылезет. Даст о себе знать вовремя. Они поехали дальше. Отъехали примерно с километр, как заработала рация.

3

СХВАТКА С ОБОРОТНЯМИ

Тем временем уазик Николая Грекова доехал до улицы Крылова и, притормозив, свернул на неё. Вдали, где-то на середине улицы, виднелись габариты «Волги». Из-за разбитой дороги она передвигалась довольно медленно. Уазик же, приспособленный к таким рельефным дорогам, мог ехать значительно быстрее. Сидевшие в «Волге» заметили быстро догонявшую их полицейскую машину. Они прибавили ходу, но дорога была явно не для них. Бесхозяйственность и безденежье одних городских служб сыграли на руку другой не менее важной службе. Доехав до разворота, понимая бессмысленность этой гонки, «Волга» остановилась. Уазик, проехав несколько метров вперёд, перекрыв дорогу «Волге», тоже встал.

Николай Георгиевич открыл дверь, вышел наружу, осмотрелся. За обочиной стояли металлические мусорные контейнеры. Вокруг – тишина и темень. Даже собаки не лаяли. Попрятавшись в будках, испуганно замолкли. Словно почуяли неладное.

– Гриша! – негромко позвал старшину офицер. Григорий открыл дверь уазика и вышел. – Проверь документы водителя, только спокойно, не возбуждай его, – тихо проговорил Греков. Далее, обращаясь к своему водителю, приказал ему покинуть машину. Георгий Васильевич Герца к тому моменту самосто-

ятельно занял позицию в стороне у мусорных баков, прикрывая товарищей.

Старшина, согласно уставу, отдал честь водителю «Волги», который медленно опускал стекло, и громко попросил предъявить документы. Тот не спеша протянул документы. Гриша, стараясь сохранить спокойствие, хотя от напряжения у него взмокла спина, принял документы, развернул путевой лист. Пытаясь разобрать текст, отступил к передней фаре и, пригнувшись, стал читать.

Майор Греков, сохраняя спокойствие, медленно подошёл к вышедшему из машины человеку. По его уверенным движениям и интеллигентному виду Николай понял, что это старший по машине. Начальник штаба, представившись, стал задавать вопросы незнакомцу: кто они, что ищут на этой улице?

Тот, нисколько не смущаясь, разыгрывая простака, стал жаловаться:

– Брат, понимаешь, едем в село Твардица, там живёт давний армейский друг мой, болгарин, давно не виделись, но заблудились, не туда свернули.

И как бы ненароком стал оттеснять Грекова от машины. Но тот, как бы не понимая, по-простецки шагнул поближе к машине. Увидел в открытое окно притулённый к спинке переднего сиденья автомат, явно приготовленный к использованию. Николай резким движением руки попытался выдернуть его оттуда. Но не получилось. Помешал незнакомец. Сильно толкнув офицера, он выхватил приготовленный заранее пистолет, выстрелил в сторону сержанта, потом, беспорядочно стреляя, стал убегать к домам.

Из машины раздалась автоматные очереди. Майор инстинктивно отпрянул в сторону, мельком увидал,

как Гриша, как-то неловко упав на бок, пытался достать из кобуры свой табельный пистолет. Николай Георгиевич, выхватив свой пистолет, передёрнув затвор, открыл огонь по убегающему незнакомцу, потом по машине. Оттуда стали стрелять по нему. Греков что было сил прыгнул в сторону мусорных баков. И вовремя. По ржавому железу глухо зацокали пули. Это он потом понял, что по нему били из автомата, а баки, полные мусора, спасли его от неминуемой гибели.

Огонь из «Волги» опять перенесли на полицейский уазик, изрешетив его изрядно. Из-за него били по «Волге» из своих пистолетов Фёдор Васильевич и Борис Железоголо. Но у каждого было всего по одной обойме, которые в суматошном бою быстро закончились. Замолчал и пистолет Грекова. Он лежал за баками, тяжело дыша, судорожно сжимая рукоятку теперь уже бесполезного оружия.

Пользуясь наступившей тишиной, «Волга» рванула с места, переехав лежащего на боку Григория. Выезжая на шоссе, она напоролась на патрульную машину районной автоинспекции, сотрудники которой открыли беглый огонь, но и у них тоже патронов было в обрез. Таким образом, прорвав заслон, мерзавцы скрылись. Все отделения полиции к тому времени уже были извещены. На всех стратегических перекрёстках были выставлены посты. Но диверсанты, вооружённые до зубов, доведённые страхом до животного бешенства, потеряв всякое чувство меры, захватили в соседнем районе автомашину скорой помощи и, прикрываясь женщиной, медицинским работником скорой помощи, вырвались из окружения. Убив её по пути, они добрались до другого райцентра, где сдались местной полиции, представившись сотруд-

никами министерства национальной безопасности Молдовы. Но это было потом, а пока раненный в колёно Боря Железоголо, преодолевая боль, добрался до рации и сообщил дежурному о случившемся.

Гришу и Бориса отправили в больницу. Раненому в ногу водителю помогли, но Гришу спасти не смогли. Он получил две автоматные пули, но смертельной оказалась пуля, выпущенная из пистолета убежавшего, как впоследствии выяснилось, хорошо обученного диверсионным методам борьбы, сотрудника национальной безопасности Молдовы.

А убежать он далеко не смог. Добравшись до места проживания Михаила Константиновича и рядом стоящего дома его сына Петра, он перелез через забор, но, несмотря на свою тренированность, прошумел.

Савелий Ергогло, встревоженный яростной стрельбой на улице, привёл в боевое положение табельное оружие и, заняв боевую позицию, стал ждать дальнейших событий. Ему очень хотелось, прямо подмывало броситься на помощь товарищам. Но внутренняя дисциплина, чувство ответственности (всё это выработано годами службы в органах) не позволяли бросить пост.

Вдруг всё затихло. Эта мёртвая тишина давила на уши, психику, взводила нервы до предела. Время словно замерло. Даже дворовые собаки прекратили свою нескончаемую псиную переключку. Разом наступившая давящая темнота усиливала чувство неизвестности. Савелий в надетом хозяйском пальто, заботливо предложенном хозяином двора, затих, прижавшись к остывшей каменной стене дома. Вечера в это время имели довольно коварный характер: дневное тепло быстро переходило в сырую прохладу.

Вдруг в районе забора что-то звякнуло. Савелий, затаив дыхание, замер. По двору мелькнула еле заметная тень. Потом послышался шорох. Савелий, не дыша, осторожно стал двигаться в другую сторону, решив обогнуть дом и оттуда подойти к крыльцу. Подойдя к углу дома, осторожно выглянул. На крыльце стоял мужчина: пригнувшись, он пытался заглянуть в слабо светившееся окно. Савелий стремительно вышел из-за угла, резко крикнул:

– Стоять! Не шевелись! Ты кто?

Мужик от испуга отпрянул назад, дрожащими от испуга руками стал открывать висящую на левой руке борсетку. Савелий увидел, что тот пытается достать пистолет. В напряжении крикнул:

– Не смей, руки в стороны! Буду стрелять на поражение.

Тот всё же попытался достать оружие, но Савелий стрельнул выше головы незнакомца. Тот, скорее от визга срекошетившей пули, чем от пистолетного хлопка, резко раздвинул руки в стороны и пригнулся.

– Отойди в сторону медленно! – крикнул ему Савелий.

Незнакомец медленно, не разгибаясь стал отходить к стене соседского дома.

– Медленно ложись.

Мужик медленно, не опуская рук, неуклюже улёгся на землю. Тут открылась дверь, вышел хозяин. Оценил обстановку. Всё понял. За ним вышли жена, мать. Женщины, увидев лежащего незнакомого мужчину и стоящего над ним Савелия с оружием в руках, горько заплакали. В рыданиях жена кинулась к мужу. Неосторожно приблизилась к лежащему незнакомцу. Тот вдруг, словно зверь, тренированным движением вскочил с места и оказался разом на ногах.

Савелий профессионально среагировал, выстрелив ещё раз вверх. Мужчина опять упал, инстинктивно прикрыв руками голову.

Тут уже Савелий, упершись дулом пистолета в спину лежащего, отстегнул борсетку с пистолетом, отбросил его в сторону. Таким же образом отстегнул сумку – и тоже в сторону. Из неё, медленно кувыркаясь, выкатилась граната. Женщины от испуга и отчаяния кричали в голос. Один из братьев стал уводить их в дом.

Подъехал милицейский уазик с нарядом полиции. Лежащий вдруг заговорил скороговоркой:

– Мужик, отпусти, я случайно оказался здесь, заблудился. Хотел дорогу спросить.

– Я не мужик, я сотрудник полиции. – ответил Савелий.

– Тем более отпусти, я сотрудник службы безопасности республики, – заверещал мужик, пытаясь привстать. Но тут уже подбежали товарищи по службе, скрутили ему руки за спиной и защёлкнули наручники.

ОБУЗДАНИЕ ВИХРЯ СМЕРТИ

Незадолго до этого не менее драматичные события развивались в районе железнодорожной станции с патрульной группой майора Арабаджи. Дмитрий Васильевич ответил по рации дежурному. Он понимал, что тот ничего хорошего не скажет. За долгие годы службы всякого повидал, всего насмотрелся. Через него прошли и радость, и горе вроде бы и чужих людей, но боль оставалась в его душе всегда. И сейчас предчувствие, а это качество может выработаться только с годами, не сулило ничего хорошего.

Так и есть. Прошла информация для всех постов: более часа назад из соседнего районного центра в сторону их города проследовала чёрная «Волга» со странными номерными знаками. Таких знаков в базе не найдено. К тому же на некотором удалении за ней следует уазик с красными крестами. Было приказано: «Всем постам и мобильным патрулям принять меры по розыску. При обнаружении соблюдать особую осторожность. Докладывать немедленно».

Арабаджи, услышав про скорую помощь, встрепенулся. Поначалу сам не понял чувства возникшей тревоги. Но тут в его глазах явно предстала машина скорой помощи в районе вокзала, с потушенными огнями одиноко стоящая на обочине.

– Стоп! – громко скомандовал майор. Машина резко затормозила. – Скорая помощь, говоришь?

Дмитрий Васильевич обернулся к Терзинову.

– Да-а, Боря! Баба, говоришь, там развлекается с водителем? – глянул озабоченным взглядом, словно ища поддержки, на капитана Калининкова, и утверждающим голосом проговорил: – Мы все поить тебя должны месяц. Ты нам всем жизнь спас. Это они там в машине на обочине, как кутят, положили бы нас всех. Мы и пикнуть не успели бы. Так, Боря! Ты афганец, опыт есть, бери автомат, незаметно заляжешь в кустах, возьмёшь боковые двери уазика на прицел. В случае чего стреляй на поражение, никого не выпускай.

– Ты, Георгий Дмитриевич, едешь за помощью, – повернувшись к майору Ламбову, проговорил Арабаджи. – Встречаешь их, приводишь сюда. Рассредотачиваешь так, чтобы не попали на линию нашего огня. И так, чтобы мышь не проскользнула. Ни вперёд, ни назад. В поле мы их встретим. – Дмитрий Васильевич на секунду задумался, перед глазами встали жена, дети. Совсем ещё несмышлёныши. – Каждая секунда дорога. От тебя зависит всё. Мы сами долго не продержимся. Но задержать сможем, – медленно повторил: – От тебя зависит всё. – А ты, Игорь, ползи за мной в канаву, незаметно подберёмся и возьмём на прицел заднюю дверь.

Через секунду они растворились в темноте. Стояла тишина, вокруг никого не было, ни души. Только в отдалении еле угадывался на обочине зловещий контур фальшивой скорой помощи.

От выпавшей росы трава стала мокрой, брюки, куртка промокли насквозь. Но всего этого Борис не замечал, так уж получалось по жизни, он каждый раз

при патовой ситуации оказывался в самом опасном месте. Призвали в армию, и именно он одним из первых оказался в Афгане. Причём именно он с товарищами по взводу оказывался там, где было хуже всех и опасней всего. Но как-то судьба благоволила к нему, в самый последний момент вдруг выручала его. Вот и сейчас, казалось, всё давно позади. Впереди ничего не предвещало плохого. Ан нет, опять с автоматом, ползком к логову врага, и где? На родной земле, среди родных людей, опять приходится нюхать омерзительный запах смерти. А что он видел в этой жизни? Даже жениться не успел. Скорее не смог: какая женщина выдержит его надломленную психику? Ему жить да жить, душой отходить от пережитого, но опять судьба выкинула именно его на передний край. Край жизни.

С каждым движением он, вжавшись в землю, открытую пока ещё свежей степной душистой, но мокрой травой, медленно приближался к поставленной цели. А целью его была вон та машинка. Ряженая под скорую помощь, она была скорее скорой помощницей смерти. Знал бы в это время Борис, как он был близок в своих мыслях к правде. Уже потом они с содроганием узнали, какой смертоносный груз был загружен в эту неказистую машинку. Случайно детонировав, взрыв снёс бы всё лежащее на десятки метров вокруг.

Наконец найдя подходящую ложбинку, старшина замер в ней. Метрах в тридцати, на обочине дороги, стояла злосчастная «буханка». Время словно замерло. В ушах от напряжения стоял звон. От сырой одежды холодило спину, судорожной болью сводило ноги. Но старшина не мог даже шевельнуться, чтобы размять хоть немного заочневшие руки. Он знал: если в

машине хоть кто-то есть, то они внимательно следят за окрестностью. Каждый шорох, неосторожное движение может обернуться смертью для него и его товарищей.

Через несколько мгновений, казавшихся для Дмитрия Васильевича вечностью, он разглядел в темноте тени машин, медленно движущихся без включённых фар. Дал знак взмокшему от напряжения Игорю Калининскому оставаться на месте, сам пополз вдоль канавы навстречу прибывшему подкреплению. С непривычки болели натертые о выщербленный бетон колени, неприятно саднили локти. Судорожно сжимая в руке пистолет, с каждым движением он приближался к прибывшим в машинах бойцам. Они остановились загодя, не производя шума, из них показались тени, которые тут же растворились среди редких кустарников по обочинам дорог. Прошло несколько минут, показавшиеся для всех вечностью, и ночную тишину разорвал голос из мегафона: «Внимание всем пассажирам скорой помощи. Вы окружены полицией. Во избежание напрасных жертв медленно, по одному выйти из машины с высоко поднятыми руками и сдаться. Строго выполнять все команды. Любое агрессивное движение будет расцениваться как оказание сопротивления. У вас есть минута на подготовку к выходу. По истечении минуты открываем огонь. Время пошло».

Наступила гробовая тишина. Только пульс в висках каждого отбивал уходящие мгновения. Медленно, очень медленно истекли десять секунд, потом ещё десять, осталось тридцать секунд, потом двадцать, десять... Всё! Отпущенное время кончилось. У каждого в голове стучала мысль: неужели там никого нет, неужели ошиблись?

Тут, разорвав тишину ночи, грянул предупредительный выстрел. И вдруг двери машины мигом распахнулись, из них с громкими возгласами стали буквально вываливаться наружу люди. Все были с поднятыми руками. Кто-то громко визжал или орал, а кто-то скороговоркой, в голос, умолял:

– Не стреляйте! Там взрывчатка. Погибнем все!

Они выскакивали один за другим. Отбегали и тут же валились на разбитый асфальт, прикрывая головы руками. Их выскочило человек десять. В тот кульминационный момент в полной темноте подсчитать было сложно.

Когда высыпались и улеглись все, полицейские, держа пистолеты на изготовку, приблизились к машине, осторожно осмотрели. Убедившись, что «буханка» пуста и в ней больше никого нет, стали обыскивать и вязать всех лежащих. Наручников не хватало. Никто не ожидал, что задержанных будет столько. Вязали как могли. Стали по одному грузить в подъехавшие машины.

Вдруг один из них как-то неловко дёрнулся, словно оступился. Следом грянул выстрел. Это среагировал рядом стоящий полицейский, не выдержали нервы, выстрелил практически в упор. Поражённое тело задержанного медленно осело. У всех полицейских в головах мелькнула одна мысль: «За Гришу!» Они уже все знали о случившемся бое на улице Крылова, о трагической гибели Гриши. Главная драма этой ночи окончилась.

Усталые люди, безучастно пребывая в какой-то неопределённости, растерянности, молчали. Каждый думал о своём. Кто о близких, кто о лучших счастливых днях своей жизни, кто ни о чём. Они просто устали. Все. А уставший мозг искал в себе, в

своей памяти запечатлённые счастливые моменты их прошлой жизни. Не очень счастливой, не очень сытой, но понятной. А всё, что произошло в эту фатальную ночь, было непонятно, чуждо им. Никто ещё не понимал, что они, рискуя своими жизнями, почти безоружные, потеряв своего товарища, практически спасли свой народ, стали фактически фатальными героями.

А беда в эту ночь в виде вихря смерти висела над каждым жителем города. В сумке задержанного Савелием диверсанта вместе с ручными гранатами были обнаружены подробные карты города с отмеченными красными кружками объектами, которые должны были быть уничтоженными в эту ночь: склад аммиака в цистернах на территории мясокомбината, склад нефтепродуктов в огромных резервуарах, отдельным цветом были обозначены склады противораковых ракет, запланированное место убийства депутата Верховного Совета СССР, руководителя местного агрохолдинга, просто пожилого человека, посвятившего всю свою жизнь тяжёлому труду пахаря, Пашалы Михаила Константиновича.

Каждое место, отмеченное для проведения диверсии, потянуло бы за собой тысячи жертв среди мирного местного населения, что обязательно вызвало бы остановку мероприятий по предоставлении территориальной автономии для народа гагаузов, с её уложениями в законодательстве Республики Молдова. Всё это неминуемо вызвало бы введение военного положения в республике и обязательное наступление политической реакции на самоопределение мирного гагаузского народа, что могло привести к началу кровопролитной гражданской войны или геноциду.

Небольшой, практически безоружный отряд полиции, главная задача которого – защита людей, своих родных, сограждан, обуздал вихрь неминуемой смерти. Цена всему этому – шаткое благополучие маленького, но гордого народа и жизнь нашего земляка, друга, сына, отца, мужа, нашего народного героя Георгия Сыртмача.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Спустя тридцать лет после известных событий народ гордится тем, что это единственное противостояние народов того времени закончилось практически бескровно. А о погибшем старшине Георгии Сыртмаче, конечно, все помнят. Но память у каждого своя, горькая, затаённая, потому что неотомщённая.

Утром после той злосчастной ночи город взбудоражился. Страшные, противоречивые слухи облетели весь город. Через короткое время на площади перед полицией собрался народ. Неуправляемая толпа неистовствовала, тут и там раздавались крики, призывающие к смерти убийц. Требовали комиссара полиции. По мегафону призывали разойтись, не мешать следствию. Толпа отвечала неодобрительным гулом, протестовала. Усталые, невыспавшиеся полицейские пытались сдержать людей, но это им удавалось с трудом.

Выступало районное начальство, тоже с призывом не мешать, разойтись. Но пущенный слух о том, что за диверсантами приехали из Кишинёва и хотят их вывезти, ещё больше взволновал народ. Ситуация становилась критической. И только после выступившего комиссара полиции Дмитриева, пообещавшего никого не выдавать, провести расследование на месте, люди начали успокаиваться, появились первые

признаки управления толпой. Через некоторое время стали слушать выступления властей. Но всё равно контроль на площади за действиями властей присутствовал.

Следствие было серьёзным, к тому же приехали следователи из прокуратуры, как районной, так и из Кишинёва. Народу на площади временами сообщали о проведённых следственных мероприятиях. И только после выступления председателя райисполкома Дмитрия Кройтора, который рассказал о ситуации в районе, о взятии под контроль событий, о принятии решения выставления постоянных постов по периметру всего района с помощью райвоенкомата, о создании отрядов самообороны в каждом населённом пункте, о выделении им транспорта, после данных им обещаний, что ни один из задержанных не будет выпущен из Чадыр-Лунги до полного прояснения всех обстоятельств, народ медленно, не доверяя полностью властям, сохраняя недовольство, стал расходиться.

А опасаться было чего. Один из задержанных, Олег Загороднюк, являлся оперуполномоченным министерства национальной безопасности Республики Молдова. Он был задержан во дворе Пашалы с оружием. Он вёл огонь по полицейским из табельного пистолета при первой попытке задержания. И как показала впоследствии экспертиза, он смертельно ранил старшину Сыртмача.

Сдавшиеся диверсанты, кроме убитого, оказались мобилизованными по повесткам райвоенкоматов резервистами. И в бытность свою были плотниками, водителями, трое из них были студентами. Только погибший был офицером, он руководил ими и был убит, замешкавшись при задержании. Их после дачи всех показаний и окончания проведения всех следствен-

ных мероприятий перевели в изолятор временного содержания г. Кишинёва, откуда они вскоре были благополучно отпущены. Главного диверсанта Загороднюка после всех следственных мероприятий содержали в следственном изоляторе РОВД.

После долгих переговоров, по требованию прокурора республики, с соблюдением всех процессуальных норм уличённый в преступлениях против гагаузского и иных народов, проживающих на территории города Чадыр-Лунги, Олег Загороднюк был передан в руки республиканского правосудия. Но судебного наказания до настоящего времени не последовало. Наоборот, его лечили в лучших санаториях республики. На запросы районных властей ответа не последовало. Но кто-то ведь посылал его группу на задание? Кто-то одобрял чёрные планы? Всё осталось покрыто мраком...

Прошло время. Изменилось многое. Неоднократно менялись власти, политический строй. Стало известно имя руководителя той диверсионной группы, это был майор министерства национальной безопасности Моля. Несколько лет назад в его квартире было обнаружено его разлагающееся тело. Он умер в одиночестве.

С тех пор прошло много времени. На площадях всё чаще режут митинги. Республикой практически в открытую управляют из-за кордона. По соседству, на Украине льётся кровь. Молдову наводнили украинские беженцы.

Но неотомщённая боль сослуживцев Георгия, его друзей и просто народа не уменьшается, даже несмотря на то, что дань памяти Георгию была отдана. В его честь названа одна из улиц города. В жилом районе

мясокомбината работает благоустроенный источник питьевой воды, он также носит имя Георгия Сыртмача. Именем Георгия Сыртмача назван городской лицей. Силами сослуживцев Георгия ему и его товарищам, защитившим город, возведён памятник.

Ещё долго в бедственном положении оставалась супруга Георгия, Марья Георгиевна. Власти никак не могли оформить достойную подвига мужа пенсию. Она одна воспитала сына Гришу, который за это время вырос, стал полицейским и каждый день, как когда-то отец, выходит защищать свой город, свой народ.

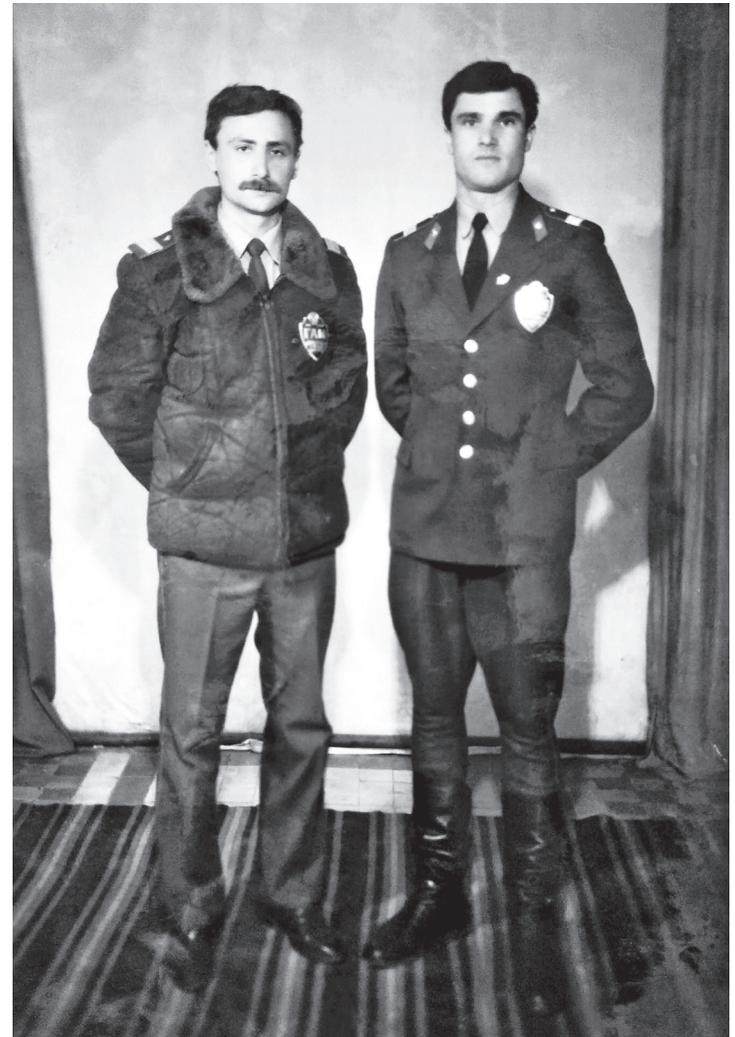
Тем не менее справедливость восторжествовала. Мне сообщили, что с большим трудом удалось преодолеть бюрократические препоны и Марья Георгиевна наконец стала получать пособие.

Господь на нашей стороне. И эта сторона – Великая Правда.

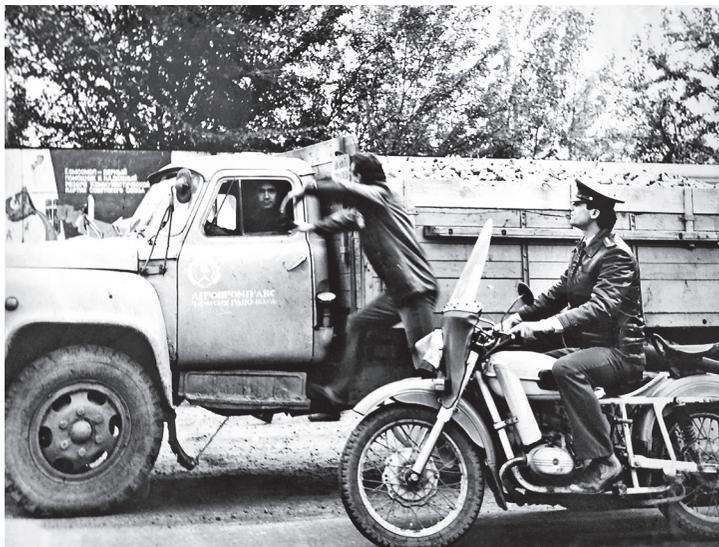
Вот так веками добивается маленький, но гордый народ своей великой свободы. Горькой свободы и признания Гагаузии. И этой горечи ещё много надо будет хлебнуть. Тёмные силы опять сгущаются, борьба за свободу и право существования Гагаузского народа далеко не окончена.

2020–2022 гг.

*Московская обл., с. Еганово
Молдова, Гагауз Ери, г. Чадыр-Лунга*

Справа Григорий Сыртмач и его друг Юрий Петкович

Милицейские будни

Гибель Григория потрясла весь город

Гибель Григория потрясла весь город

«Надо...
тофтору...
картоф...
томидор...
забыли...
убежи...
такая...
ни без...

Детальный
разговор
**ЗАКОН
НЕ СТАВИТСЯ
НА КОН**

ЗНАМЯ

ЧЕТВЕРГ, 18 июня 1992 г. № 68 (6149)

ЧТО ЖДЕТ ЗАДЕРЖАННЫХ ВО ВРЕМЯ ТРАГИЧЕСКОГО НОЧИ 24 МАЯ? ОБ ЭТОМ — ЗВОНКИ И ПИСЬМА БУКВАЛЬНО ВО ВСЕ ИНСТАНЦИИ. ОБ ЭТОМ И РАЗГОВОР НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА С ПРОКУРОРОМ РАЙОНА А. ЗАНФИРОВЫМ И НАЧАЛЬНИКОМ РОП В. ДМИТРИЕВЫМ.

В. ДМИТРИЕВ. Для начала хотелось напомнить, что той ночью произошло. В город проникли две вооруженные группы. Одна — на «волге», вторая — в машине скорой помощи. В результате огня стрелкового из «волги», погиб сотрудник милиции Г. Сырмак и был ранен товарищ В. Железко. Ответственный огонь привел к гибели водителя «скорой», двое его пассажиров сейчас находятся в реанимации, а третий — в госпитале. Что касается четвертого — оперативно-помощного экипажа — он был задержан, тому в забег удалось задержать еще одиннадцать человек, прибывших в город вместе с «волгой» на машине скорой помощи. Все эти действия, завершившиеся массовой коллективной эвакуацией временного содержания заключенных, были проведены мной в соответствии с Указом о чрезвычайном положении, объявленном в Молдавии.

В. ДМИТРИЕВ. Я же, в свою очередь, 24 мая возбуждал уголовное дело по факту посягательства на жизнь сотрудников РОП Г. Сырмака и В. Железко с применением огнестрельного оружия со стороны вооруженной группы неустановленных граждан, срывавших с места происшествия. Прокурор РМ создал специальную группу для расследования этого дела. В нее вошли и мой подчиненный И. Банков, а также два следователя по особо важным делам прокуратуры республики. Возглавил группу прокурор следственного управления прокуратуры РМ Д. Поддальенко.

Корр. Какая работа была проделана?

А. ЗАНФИРОВ. Уже допрошены все лица, содержащиеся в ИВС, и сотрудники РОП, участвовавшие в их задержании. Собраны материалы для проведения судебных экспертиз. В настоящее время обрабатывается эпизод по факту гибели трех граждан в Каушанском районе, когда ранены в час пассажиры «волги» ехавшие на расположенную там свою базу.

Корр. А после вызорождения эти люди должны быть арестованы. А есть ли арестованные среди тех, кто находится в нашем ИВС?

А. ЗАНФИРОВ. Да, 11 июня я арестовал О. Загороднюка. Он обвиняется в стрельбе по сотрудникам РОП, по сути в посягательстве на их жизнь. О. Загороднюк был одним из тех, кто приходил в «волге». Загороднюк останется в ИВС.

Корр. А что же остальные одиннадцать человек, прибывшие в машине скорой помощи?

В. ДМИТРИЕВ. Вот как раз вокруг них и нагнетается сейчас ажиотаж, звучат призывы устроить чутки не самозуд, но ни в коем случае не выпустить из Чадыра.

А. ЗАНФИРОВ. В связи с этим хочу сослаться на некоторые посещения. «Скорая помощь» была привлечена как машина прикрытия «волги». Находясь в ней не какие-то кадранки, а резервисты, мобилизованные по повесткам райвоенкоматов. Посмотрите, что они: плотники, столяры, водители, трое студентов, в большинстве своем из сельских мест. Народ семейный, у всех дети. Единственный же офицер, руководивший этой разношерстной массой, был застрелен прямо на месте, поскольку замкнулся после предложения сдаться.

Корр. Но сопротивление они какое-то оказали?

В. ДМИТРИЕВ. В том-то и дело, что никакого. Подчинились, не сделав ни единого выстрела.

А. ЗАНФИРОВ. Добавлю, что они даже не имели понятия, куда едут. За два дня до случившегося эта группа была передана в распоряжение министерства национальной безопасности, а задание отправляться она получила лишь в 11 часов вечера 23 мая. Когда же воевал за «волгой» «скорая» прибыла в наш город, из первой машины поступило указание стоять у топочной и ждать дальнейших команд. Вот, собственно, и все действия этих одиннадцати, где здесь состав преступления?

Корр. А то, что все они были до зубов вооружены, не учитывается?

А. ЗАНФИРОВ. Так ведь оружие им было выдано вполне официально, каждый за него расписался, полагая, что придется защищать столицу и соседнюю Молдавию в военных районах республике как теперь называют Приднестровье.

Кстати, знаете, что они говорят после случившегося? Что никогда больше оружие и в руки не возьмут, а если возьмут, то повернут его против своих же командиров.

Корр. Исходя из сказанного, надо понимать так, что несовершенство дисперсии будут отпущены?

В. ДМИТРИЕВ. Если не будет каких-либо дополнительных данных — безусловно. Задерживать людей больше положенного срока я не то что не имею права — это уже грешит с преступлением. Кроме того, я уверен: кое-кто только того и ждет, чтобы сразу раздуть кампания о беззакониях, царящих в Чадыре. Сравнивается, почему МНБ до сих пор не пролило никакого беспокойства о тех, кого само же к нам и направляет? И ответьте после этого, кому виноваты прибывшие на выемку задержанных? Да только тем, кто хочет втянуть нас в очередную конфликт.

Больше скажу: у нас имеется вполне достоверная информация о желании определенных деструктивных сил сделать все, чтобы этот конфликт обязательно развился. Вот почему должны со всей ответственностью занять: действовать следует строго по закону, ни в коем случае не нарушая установленных сроков задержания. Поверьте, это никак не может обернуться во вред, а только во благо. Люди мы цивилизованные, зачем же нагнетать напряженность? Следственная группа продолжает работу в Чадыре: так что любой желающий может встретиться с ней, лающей интересующие его справки и получить объяснения. По-другому быть не должно, иначе может загореться огонь, который охватит на руку кому угодно, но не нам.

А. ЗАНФИРОВ. Вместе с тем под черку, что выпустить — вовсе не значит прекратить дело. Адреса всех одиннадцати нам известны, всплывут новые обстоятельства — и прокуратура вполне может привлечь их к ответственности. Следствие ведь закончено. Оно продолжается.

Районная газета вела контроль за расследованием инцидента

Памятник погибшим сотрудникам МВД
Республики Молдова в Чадыр-Лунгском районе

СОДЕРЖАНИЕ

Эстафета. *Максим Замшев* 3

Противостояние

Предисловие 8
Рассказ первый. Не сломленные страхом 13
Рассказ второй. Отчаяние 32
Рассказ третий. Искушение 44
Эпилог 63

Последний заслон

Предисловие 70
1. Непокорённые 74
2. Тревога 82
3. Схватка с оборотнями. 86
4. Обуздание вихря смерти 92
Послесловие 99

Литературно-художественное издание

Станев Пётр Владимирович

ГОРЬКАЯ
СВОБОДА
ГАГАУЗИИ

Корректор – _____
Компьютерная вёрстка – *Ульяна Иващенко*
Дизайн обложки – _____

Подписано в печать 00.03.2024
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84x108/₃₂
Гарнитура «CharterITC». Усл. печ. л. ____
Тираж 200 экз. Заказ № ____

Издательство «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50 а/5, стр. 1
тел.: +7 (495) 690-67-19
www.uniki.ru